И. А. ШЕРГИНЪ.

ВЪ СѢВЕРНЫХЪ ЗАХОЛУСТЬЯХЪ.

1. Контрасты.
2. Передъ пріѣздомъ.
3. Благочестивые.
4. Мобилизація матеріальныхъ ресурсовъ Россіи.
5. Провокаторскіе выпады предателей.
6. Общество „Енисей" и грузчики.
7. Нѣмецкое засилье.
8. На перепутьи.

Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ
Типографія «Грамотность», 5-ая Рождественск., д. 44.
1916.

«Контрасты».

Пароходъ былъ переполненъ; палуба вплотную завалена ящиками, мѣшками, бочками, на коихъ лепились плотовщики въ зипунахъ и пиджакахъ. Партія зырянъ, размѣстившись на кострѣ дровъ у „паровика“, закусывала. Лохматый зырянинъ грызъ сырую треску, облизывая пальцы. Другой зырянинъ съ густой шевелюрой и рыжей бородой, свалявшейся прядями, облизавъ пальцы, вонзилъ всю пятерню въ шевелюру, а потомъ отеръ полой зипуна и снова вцѣпился въ треску.

Въ проходахъ толпились пассажиры. У двери I класса франтоватый нѣмецъ оправлялъ усы и бородку. Сложивъ губы въ „пятачекъ“, какъ у свиньи, и вытянувъ шею къ зеркальцу, онъ долго подстригалъ усы грядкой. Бородка и усы заняли битый часъ. Потомъ нѣмецъ принялся за чистку ногтей. Эта работа поглотила тоже не мало времени.

Изъ I класса выходили жирные и нарядные нѣмцы, дико озирая непринужденный зырянскій муравейникъ.

Въ Устьвыми нѣмцы оставили пароходъ; но здѣсь хлынула волна ратниковъ и заполнила освободившіяся мѣста.

У пристани живой пестрядью толпились пиджаки, кофты, зипуны грубой деревенской работы.

Капитанъ парохода съ черненькой бородкой рѣдькой, оглянувъ биткомъ набитый ратниками трюмъ и палубу, самодовольно крякнулъ и отдалъ приказаніе къ отправкѣ. Прямая заинтересованность въ прибыляхъ сѣверной вольной дружины подогрѣла усердіе капитана и, покрутивъ усъ, онъ забасилъ въ мѣдный рожокъ: „отда-авай чалки!“

„Чал-ки отда...“—сдѣлалъ послѣднее усиліе капитанъ.

Замелькали бѣлые платки. Бабы съ воемъ метнулись къ борту пристани.

По бревенчатому углу вскарабкался на крышу избушки у перевоза мальчикъ въ пестрой рубашкѣ и порткахъ, прикрывавшихъ до колѣнъ землянистыя ноги, потрескавшіяся отъ грязи.

Истеричный взрывъ крика, вырвавшійся изъ толпы, разлился въ чащѣ сосноваго бора безнадежной скорбью.

Мальчикъ на крышѣ сдѣлалъ игривый прыжокъ на отходившій пароходъ, но какъ-то неловко пошатнулся и присмирѣлъ словно охваченный холодной жутью необъяснимой тревоги.

Даже притихли устьвымскіе перевозчики Они за семьдесятъ рублей полгода безъ отдыха бороздили рѣку Вымъ и громко выражали досаду небу на невозможное положеніе. Въ самые критическіе моменты, когда словами нельзя выразить возмущенье, рѣчь пересыпается настолько густо, что перевозчики уступаютъ лишь яренскимъ земскому и слѣдователю, который однажды застрялъ на перевозѣ и положительно сконфузилъ перевозчиковъ: старикъ Сергѣй въ озямѣ съ оборванной полой громко высморкался въ рукавъ и вонзилъ пальцы въ серебристую бороду, слохматившуюся въ такой войлокъ, что расчесать её можно только желѣзными зубьями. Другой перевозчикъ, „Кузька", въ сѣромъ зипунѣ съ большой коричневой заплатой на плечѣ, бойко замигалъ глазами затравленнаго волка и почесалъ мягкое мѣсто пониже поясницы...

Нынѣ, замѣтивъ мальчика на крышѣ, Сергѣй испустилъ угрожающій звукъ, но голосъ его оборвался на полуфразѣ.

Пароходъ скрылся въ изгибѣ рѣки. Раздался новый взрывъ отчаянья и медленно покатился къ осиротѣлымъ гнѣздамъ, что безпорядочно лепились по верхушкамъ прибрежныхъ горъ, гдѣ щетинился чахлой каймой скучный ельникъ.

Сергѣй, внимательно оглянувъ нѣмецкую толпу въ изящныхъ пальто и съ блестящими чемоданами, досталъ портняной кошель съ махоркой и свернувъ цигарку, принялся чикать желѣзкой о кремень. Искры брызнули въ бороду. „Трутъ" задымился синеватыми струйками.

— Какой-петь это народъ-отъ?—спросила старушка.

Запаливъ цигарку, Сергѣй протянулъ сквозь зубы:— Народъ—одно званіе. Только два слова и понимаетъ: цвейнъ, да хрейнъ. А матеръ; изъ одного нѣмца нашъ братъ пара выйдетъ и еще изъ спины останется заручейской попадьѣ на передникъ.

— Тьфу-те!—плюнула старушка.

— Не виришь,—улыбнулся Сергѣй,—обходительный народъ: рупь на чай отсыпалъ!

— Чево баять,—поддакнулъ „Кузька",—подлинный народъ: у него достатокъ и наука, да и почва есть.

По Ибской горѣ мелодично загудѣлъ колокольчикъ. Въ безбрежную глубь лѣсной чащи тянулась длинная вереница

и мѣдный гулъ уныло переливался, точно оплакивая разлуку. Лошади, понуривъ головы, брели по грязной дорогѣ, еле передвигая ноги. Въ тарантасахъ, заполненныхъ дорогими чемоданами, нѣмцы дымили сигарами. Бѣдняки прыгали пѣшкомъ, обходя лужи.

Вправо, за изгородями и полями, виднѣлись большіе зырянскіе дома, а влѣво отъ тракта на траурной опушкѣ ельника мерещились пни, желтыя кочки мха. Мѣстами чернѣли дернины, вывороченныя сохой. Видимо люди принимались за распашку, но, не одолѣвъ, бросали.

Изъ чащи выѣхалъ зырянинъ, сидя на лошади, впряженной въ волока, состоявшіе изъ двухъ кокоръ, скрѣпленныхъ деревянной подушкой, на которой лежали жерди, бороздившія вершинами землю. Лошадь еле переводила дыханіе, насилу сдвигая съ мѣста это примитивное твореніе людской изобрѣтательности, сохранившееся въ глухихъ захолустьяхъ въ назиданіе потомству. Уцѣпившись за оглоблю, зырянинъ ударялъ ногой въ бокъ лошади. На немъ сѣрый зипунъ, подпоясанный ремнемъ съ желѣзной скобкой, въ которой висѣлъ топоръ. Изъ-за отворотовъ зипуна пестрѣла грубая домотканная рубаха, связанная у воротника веревочкой, замѣнявшей пуговицы.

Жирный нѣмецъ, повернувшись въ тарантасѣ, разсыпалъ табачный нагаръ сигары и неловко залягался, что свинья, упавшая на спину въ борозду.

Поѣздъ приближался къ послѣдней Ибской деревушкѣ, раскинувшейся у самаго тракта. Многіе дома постарѣли въ неоконченномъ видѣ: крыльца замѣняли покосившіяся лѣстницы, а изъ-за не свершонныхъ крышъ, наскоро закладенныхъ тесомъ, выглядывали снопы ржаной соломы.

Изъ крайней избы выбѣжала пожилая женщина въ сарафанѣ съ шаньгами въ рукѣ и, осѣнивъ лицо крестнымъ знаменемъ, боязливо оглянула поѣздъ.

— Степъ Вань,—обратилась она къ сосѣду, который, сидя на бревнѣ дымилъ трубкой,—это съ войны?

— Должно такъ,—процѣдилъ сквозь зубы сосѣдъ.—А Митрей гдѣ?

— Куды кось тай въ лѣсъ ушелъ,—отвѣтила женщина.

— Въ праздникъ-отъ?—поежился Степъ-Вань,—ковдыкось я хаживалъ же въ Ильинъ день грести. Сѣно скопнилъ и подумалъ: вотъ хорошо-то, Апосля нечистый вихремъ да какъ лизнетъ—копны будто не бывали... Дома поносъ хватилъ кровью. Съ той поры закаялся: хошь смерть приди, въ праздникъ не выйду. Будь-те не ладно,—закончилъ сосѣдъ и постучалъ трубкой о бревно.

Женщина боязливо замялась. Она хотѣла угостить прохожихъ праздничнымъ печеньемъ, но живая вереница прошла молча, какъ похоронная процессія.

Поѣздъ прогремѣлъ подъ гору и скрылся въ хвойной гущѣ бора, гдѣ грустно запѣлъ колокольчикъ безутѣшной скорбью. Раздался грохотъ колесъ, на минуту заглушившій мѣдный гулъ. И вдали лѣсной монотонно зазвенѣлъ.

Женщина, устремивъ печальный взоръ, тяжело вздохнула.

Съ бора долетѣлъ унылый перезвонъ и растаялъ въ безпечно-равнодушной чащѣ.

Между изгородей узкая полоса дороги, размокшая, какъ тѣсто. По ней устало плетется отставшая вереница, несущая остатки рабства пережитковъ и нѣтъ силы, нѣтъ надежды.

Разразилась страшная вспышка ада. Мрачное удушье окутало землю.

— Степь-Вань,—заговорила баба,—куды-й но это народы гонятъ?

— Кто-шь ево...—лѣниво почесалъ онъ поясницу,—полагать надо: дойдутъ до свово предѣла, апосля назадъ...

Вечерѣло. На небѣ таяли лиловыя облака, опаленныя послѣдними отблесками заката.

Урядникъ Изнобовъ много суетился по размѣщенію нѣмцевъ. Окончивъ работу, онъ усѣлся на завалинку противъ оконъ своей квартиры. Въ лѣвомъ углу рта его висѣла длинная цигарка, отъ которой тянулась струйка дыма прямо въ глазъ, отчего онъ непріятно щурился.

Изнобовъ оправилъ цигарку и самодовольно крякнулъ на темную фигуру, что медленно плелась къ его квартирѣ.

Это былъ пономарь Филофей, въ порыжѣвшемъ кафтанѣ и картузѣ, изъ подъ коего кручились черные съ просѣдью волосы. Въ правой рукѣ онъ держалъ большой мѣдный чайникъ, а въ лѣвой—кропило. Филофей тяжело горбился и боязливо мигалъ. Утромъ онъ цѣлый часъ выстоялъ на крыльцѣ въ ожиданіи о. Василія; два раза щелкнулъ въ дверную ручку, но батько не отзывался. Потомъ попадья наскоро сунула ему ключъ и распекла:—въ именины управляющаго въ средній колоколъ отбарабанилъ, а въ старостины—въ большой! У... старый...—крикнула мать.

— Отецъ Василій приказали,—оправился Филофей.

Но матушка грозно прихлопнула дверью передъ его носомъ. Филофею небо показалось съ овчинку; затѣмъ земля повернулась и очутилась на мѣстѣ неба... Ноги его дрогнули, по лицу пробѣжали холодныя мурашки. Вѣчныя угрозы забили и приплюснули въ немъ все; осталась без-

отвѣтная покорность, страхъ да трепетъ. Въ глазахъ у него двоилось: э эхъ Россія, вздохнулъ онъ, взобравшись на колокольню и вмѣсто большого ударилъ въ среднiй колоколъ... но сейчасъ же далъ отбой въ большой. Раздался дребезжащій гулъ и слился въ мощный, мелодичный аккордъ. Обыкновенно Филофей благовѣстилъ полчаса и больше; но сегодня отецъ Василій вышелъ рано, что снова сбило помомаря: онъ грянулъ „во вся". Мелкіе колокола запѣли дискантами въ „переборъ". Филофей покачнулся на лѣвую руку и колокола слились въ дружный хоръ. Онъ налегъ на другую руку, вышло: „мелетъ, мелетъ попадья..."

Обѣдню пѣли скоро.

Послѣ „отпѣва" батько тотчасъ же помчался „со славой" и переходилъ изъ дома въ домъ молніеносно, такъ что даже „лютый на бѣгъ" Скуфейкинъ далеко отставалъ и, чтобы наверстать пускался въ галопъ. Въ домахъ, гдѣ давали по гривеннику, славящіе начинали басить еще на крыльцѣ. Филофей, трусившій въ хвостѣ „славы", едва успѣвалъ съ чайникомъ и наскоро поворачивалъ оглобли.

Теперь, послѣ праздничной гонки, Филофей медленно переваливался. Въ конторѣ за славу дали три рубля. Батько заболтался и Филофею вынесли чашу пива. „У старосты тоже чашу", вспомнилъ Филофей и досадно махнулъ рукой: „а тамъ пошла чертить... какъ бабы разсаду плюютъ..." Въ головѣ его бродилъ хмѣль. Филофей робко оглянулся на домъ Прокопья Ермоличева, гдѣ остался батько, приторговывавшій корову.

Во дворѣ Изнобова поднялся неистовый шумъ... Сынишка его Ваня кинулъ щепкой въ куръ, что пристроились на покой подъ навѣсомъ амбара. Куры тревожно закудахтали на озорника.

Изнобовъ привѣтливо кивнулъ Филофею.

— Ваня! ты знаешь кто я?

— Урундюкъ,—бойко отвѣтилъ Ваня.

— Болбанъ,—вспылилъ Изнобовъ,—да теперя что я, что исправникъ Булатовъ, одинъ крахмалъ. Понялъ? Захочу, скручу... Подь сюды, Ваня?

Но Ваня метнулся въ сторону:—Не пойду, взмылишь!?

— Подь, суккинъ котъ!—захохоталъ Изнобовъ.—Когда кончишь учебу, куда пойдешь?

— Въ испра-авники,—протянулъ Ваня.

— Молодчина,—приласкалъ отецъ,—первый человѣкъ будешь: на твоемъ довѣріи, можно сказать, вся имперія...

— Перстъ, ваше благородіе,—почтительно нагнулся Филофей.—Не даромъ Господь вложилъ мечъ въ ножны...

чтобы исполнять благую волю и распространять святое дыханіе Его.

— Правильно,—согласился Изнобовъ:—въ гражданскомъ мірѣ исправникъ, въ духовномъ благочинный, протопопъ—суть одна струя, истекающая изъ необходимости общественнаго порядка и благочинія.

— Ваня,—перевелъ Изнобовъ,—принеси-ка пивка отвести душу отцу...

Филофей боязливо вытянулся на домъ Ермоличева и присѣлъ къ Изнобову.

Прокопій жилъ на задворкахъ села въ старомъ дѣдовскомъ домѣ съ радужными стеклами въ окнахъ. Нѣкоторыя стекла были разбиты и заткнуты тряпьемъ. Прокопій имѣлъ кучу ребятишекъ. Земли кругомъ было вдоволь; но онъ снималъ урожай на два - три мѣсяца. Держалъ лошадь и корову. Работалъ Прокопій на заводѣ Гурылева и Бѣляевской, получая 12 р. въ мѣсяцъ, но не могъ сводить „концы съ концами“: ребятишки „мяли“ ржаной хлѣбъ по восьми пудовъ въ мѣсяцъ... и весело щебетали. Мухъ почти не было; на харчи бралъ онъ изъ заводской лавки Гурылева треску „съ помадкой“, отъ которой такъ „разило“, что мухи не выносили минуты... Сегодня съ полдня жена Прокопья гребла заводскій лугъ и получила 17 коп.

— Пять алтынъ и двѣ монеты!..—воскликнулъ Прокопій,—Манька, слетай-ка въ заводскую! Закупи: фунтъ сушки за двѣнадцать монетъ и осьмую махры. Да смотри въ одинъ духъ...

— Здачи не надо!?—припрыгнула Манька.

Прокопій махнулъ рукой отъ избытка блаженства.

— Ахъ, въ ротъ-те...—поперхнулся Прокопій и быстро обернулся къ окну, чтобы вернуть Маньку, но за Тихоновой изгородью мелькнули пятки Маньки...

Ребятишки вихремъ закружились.—„Тятька!—разомъ заголосила неугомонная саранча и праздничное веселье преисполнило убѣжище бѣдняка.

Мрачность и озлобленность, что слагались подъ ударами нужды—растаяли въ добродушной улыбкѣ, расплывшейся на лицѣ Прокопья.

Глаза его ласково моргали: задавленный и униженный трудъ теплился любовью, красотой и счастьемъ.

Манька испуганно влетѣла съ калачами: — „Тятька, батюшка идетъ!?

— Чуешь, отецъ,—серьезно нахмурился мальчикъ Коля—не продавай пеструху-то? Мама не велитъ.

Прокопій наскоро оправивъ бороду вышелъ на крыльцо:

сѣна не лишекъ, проворчалъ онъ,—и опять, нужда... сына готовлю.

— Стельна?—справился о. Василій.

Прокопій открылъ хлѣвъ и показалъ рукой на задній нахъ пеструхи: — живехонекъ!

— Сколько—безъ торга?...

-- Чтобы безъ лишняго: шестьдесятъ. — Нужда, отправляю сынка.

Отецъ Василій нерѣшительно повернулся...—Цѣ-на,— протянулъ онъ,—ну и цѣ-на... Шестьдесятъ, да корму надо на сто.—Вся премудростью...

— За коровушкой батюшка ходили, — нѣжно пропѣла Марья Кондырева,—не стельна, батюшка, и лягунья.

— Сашку-то не взяли?

— Нѣтъ, отецъ Василій, нѣтъ,—зачастила Марья,—второй сынъ остался; дошла теплая родительская молитва...

— Ну и накатила-жъ ты, мать!—проворчалъ о. Василій.— Насилу одолѣлъ... Кто это у тебя воинъ Козодой?

— Золовки двоюродный племянникъ... въ Вяткѣ она...

— Э... э... — протянулъ попъ и медленно покатился подъ уклонъ.

Изнобовъ, закинувъ ногу на ногу, весело крутилъ новую цигарку. — Твоя служба что̀? — обернулся онъ лицомъ къ Филофѣю.

— Лямка! вашъ бродъ—горько улыбнулся Филофѣй,— а все думаешь около Храма Божія и у благочинія на точкѣ: званіе духовное!...

— Благоволеніе начальства,—перебилъ Изнобовъ,—что мармеладъ во рту: самочувствіе такое, понимаешь, будто и ты таешь... Сегодня отъ губерніи бумагу получилъ, минуя всѣ среднія инстанціи: исправника, станового. О неукоснительномъ надзорѣ! Подъ конецъ и станъ обремизился, пустивъ въ ходъ древесныя издѣлія Туркина...

О. Василій, поднявъ голову, описалъ незначительный полукругъ, удаляясь отъ квартиры блюстителя; но потомъ круто повернулъ.

— Знаете,—проговорилъ отецъ,—Сашку Кондырева не взяли?

— Кудашь ево?—улыбнулся Изнобовъ,—килунъ... Въ 17-мъ участкѣ — грыжа. Мнѣ уже было предписаніе о неукоснительномъ...

— Понимаете,—живо перебилъ отецъ,—а мнѣ владыко о нравственномъ. Устьвымское благочиніе скрежещетъ...

Батюшка потянулъ носомъ вечернюю прохладу и участилъ шаги. „Велико пастырское благословеніе иже сына во діакона нарече“, пропѣлъ отецъ. Дома его ждало не-

счастье: съ полки обрушилась банка варенья, опачкавъ опоекъ... Въ гостиной слабо шумѣлъ самоваръ; по стѣнамъ мелькали могильныя тѣни одиночества. О. Василій долго подсчитывалъ мѣдную валюту, металлическіе звуки гулко переливались изъ гостиной въ зало.

Матушка, широко открывъ глаза, жадно слѣдила за работой отца.

Часы мѣрно стучали. Батюшка, отложивъ часть валюты, остальную насыпалъ въ общую „сокровищницу".

Звонъ на минуту заглушилъ удары „маятника"; но скоро опять раздались холодные, мѣрные удары. Матушка сонливо поморщилась. Тускло поникли темно-сѣрые глаза, страстно искрившіеся минуту назадъ.

— Глотовская попадья,—зѣвнула мать,—отсыплетъ половину „славы", а вторую половину въ общую...

Мать раскрыла ротъ въ предѣлахъ возможности...

За обоями шумно застучали „кузнечики".

Ваня Изнобовъ вынесъ еще чашку пива. Прикурнувшая голова Филофѣя оживилась.

Изнобовъ сановито оправилъ бороду.

— А знаешь?—властно просопѣлъ онъ и почесалъ указательнымъ пальцемъ по ладони:—стоитъ довести владыкѣ о Ляльскомъ...

— Дуй, Вашбродіе,—энергично вытянулся Филофѣй и потеръ рукой о загривокъ.

— А что званіе!?.. Видимость.

— Дуй, Вашбродіе, дуй...—повторилъ Филофѣй.

Передъ пріѣздомъ.

— Алешка!—крикнула конторщица Башлыкова,—вставай, Мошкинъ въ контору прошелъ.

— Пріѣхалъ!?—встрепенулся Алешка.

— Дикой, —повторила Башлыкова,—смотри, дуралей, въ оба: не нахлюсталъ бы этотъ сивый подлиза.

— А я думалъ,—протянулъ Алешка... —Куды ему. Ни хрѣна... Что я былъ въ Сереговѣ? Парень. Знаешь, Манефѣ Алексѣевнѣ Молиной заказалъ штаны сшить и кромку выпустить, а теперь нуткось? Начальникъ движенія въ Котласѣ, —за версту руку протягиваетъ: Алексѣй Павлычъ, Алексѣй Павлычъ.

— Не возносись, дуралей! Чьей головой поднялся? Ежель не я такъ бы и прокисъ въ Сереговѣ Алешкой Коменковымъ.

Говорила Башлыкова скороговоркой, какъ сорока. Въ Сереговѣ она „трещала" сопрано, но теперь, когда стала конторщицей, низкимъ контральто. Пріѣхала Башлыкова на пароходѣ съ сыномъ и свекровью старушкой. Изъ буфета подавали ей обѣдъ; Башлыкова кушала съ сыномъ, а остатки тарелки передавала свекрови, которая боязливо мигала и крестилась.

Послѣ обѣда Башлыкова икала баскомъ, оправлялась передъ зеркаломъ, вздрагивала плечами, сбрасывая непринужденныя деревенскія манеры.

Солнце тускло просвѣчивало изъ за облаковъ. Не проспавшіяся лица зѣвали и крестили рты, тревожно озираясь точно надъ Устюгомъ еще висѣли остатки каменной тучи надвигавшейся пятьсотъ лѣтъ назадъ. Однако, даже эта гроза не могла разрушить сложившійся консерватизмъ, имѣющій живучее начало въ головахъ, не поддающихся просвѣщенію, какъ гранитъ обработкѣ тупицей.

Изъ нижняго конца города, гдѣ пестрѣли лачуги и заборы, несся грязный потокъ лохмотья. Старухи Дарья и Анисья спѣшили въ припрыжку. Дарья извлекла изъ кар-

мана табакерку, постучала о край крышкой и пустила въ носъ табачную пыль.

— Ахпчи!--чихнула Дарья,--сводни у Чибаевсково кутья. Этто я понимаю! Самово министра ждутъ?

У дома Варвары Петровны Ноготковой старухи сами преобрззились въ недуговъ.

Варвара Петровна Ноготкова имѣла каменныя палаты и капиталецъ; но свое добро приберегала, а все норовила за счетъ племянника Шуры, Ноготкова награждала его грошами нищую братію и кушала жирное.

Шура Ноготковъ, Медвѣдковъ, Гоголицынъ, имя же имъ: Ты же Господи вѣси, представляли живое воплощеніе „устоевъ консерватизма". Шура и Медвѣдковъ, подвижные, что блохи. Гоголицынъ же выглядѣлъ дико. Внушить имъ новыя идеи какими угодно доказательствами — невозможно, что отшлифовать березовую кокору кулакомъ.

Нынѣ Варвара Петровна оглядывала свою талію въ зеркалѣ, склонивъ голову на бокъ: изъ за воротника ночной кофточки сложился тройный подбородокъ и Варвара Петровна вытянула голову, хорошо бы въ это время использовать лучи Рентгена...

Изъ кухни донеслись вздохи и Варвара Петровна откинула голову на сѣверо-западъ; подбородки исчезли. — Такъ граціознѣй,--произнесла она и вышла, захвативъ мѣдныя монеты.

— Помолитесь,—приказала Варвара Петровна,—за упокой рабовъ Божіихъ: Петра, Іоанна, Преосвященнѣйшаго Никона.

Нищіе закланялись и нараспѣвъ перечислили, а Варвара Петровна роздала по монетѣ и спѣшно повернулась.

Старикъ Артемій, какъ лоскутное одѣяло изъ заплатъ, осмотрѣвъ монету, недовольно зачавкалъ:—понеси тя лѣшій на болото! за грошъ какую гибель навалила...

На Успенской нѣкоторые магазины были открыты; другіе только чуть-чуть пріоткрыты и въ дверныхъ притворахъ виднѣлись бѣлыя и рыжія бороды, озиравшіяся на блюстителей порядка. Кромѣ этихъ оттѣнковъ, индивидуальныхъ различій не было: всѣ, какъ одинъ, и одинъ, какъ всѣ, попахивали, что рыжики въ плохомъ засолѣ.

Купецъ Самоваловъ только что причастился за ранней; онъ открылъ ротъ и закрестилъ. Передъ лавкой, нищіе кланялись и выжидали. Самоваловъ съ вечера приготовилъ обломки баранокъ для раздачи милостыни.

Въ лавку вошли крестьянки съ бураками масла; Самоваловъ лизнулъ масло и отеръ языкъ передникомъ.

— Это горчитъ, — сказалъ онъ, — поди къ Истомину, а этотъ буракъ возьму, и положивъ на вѣсы, произнесъ:—безъ осьмой двѣначать. Тара четыре безъ четверти. Значитъ масла безъ четверти семь, но тридчать — рупь восемь гривенъ, да за четверть долой восемь—рупь шестьдесятъ двѣ. Осьнадцать додать — фунтъ чаю Высочкаго съ кораблемъ, колеръ держитъ...

Баба отрицательно замотала головой.

Отпустивъ бабу, Самоваловъ направился къ лавкѣ Истомина.

На пристани Сѣвернаго Общества раздался тревожный свистокъ. Егорка Жигаловъ, сидя на перилахъ, болталъ ногами.

Изъ пекарни Корельскаго вылетѣлъ на Пушкариху пекарь въ опоркахъ и, весело мотнувъ ногой опорокъ на домъ Пупышевой, звонко прокричалъ: Министерія наѣхала, есъ твою!...

Городовой Тпрутя вытянулъ руки. Изъ мясной Мосѣева выглянуло розовое лицо съ рѣдкими шерстками, какъ подпрѣлая брюшина нетели. За нимъ виднѣлась голова Кокшарова, обыкновенно красная, но теперь Успенскимъ постомъ приняла цвѣтъ сахарной бумаги.

Истоминъ купилъ масло, не попробовавъ языкомъ, такъ какъ тоже причащался.

— Поговѣли, Иванъ Иванычъ,—спросилъ Самоваловъ.

— Сподобилъ Богъ, Лука Антипычъ, а вы?

— И я,—отозвался Самоваловъ.

— Въ Великій-то говѣли?

— Былъ.—Съ принятіемъ.

— И васъ...

— Да какъ—въ торговомъ дѣлѣ кажиной суставъ подзуживаетъ бѣсъ-то?

Къ церкви „Женъ Мироносицъ" прошелъ Гурылевъ, круглый, съ брюшкомъ. Онъ самодовольно покрякивалъ, такъ какъ управляющаго его заводомъ Осетрова осудили въ тюрьму за воровство казеннаго лѣса; но благодаря тому, что вся уѣздная охрана, исправники, лѣсничіе, становые пользовались кредитомъ Гурылева, то въ тюрьму угодили бѣдные кыркочскіе мужики, возившіе лѣсъ на дрова за жалкіе гроши. Но, какъ только возгорѣлась война съ Германіей, Осетровъ снова втрескался.

— Человѣко-рыбу подъ конвоемъ отправили въ Устьвымъ.

— Прощай, Сашенька,—взвыла рыба,—прахъ души твоей не узнаетъ.

— Слава Тебѣ показавшему намъ свѣтъ, — взмолился солеваръ Илья Павловъ, — прощай, предатель, кланяйся Іудушкѣ...

На волоку рыба заснула но въ Устьвыми порвала казенную сѣть и такъ залягалась, что заминать пришлось Вице Фуксъ... А Лопухинъ стоялъ и ухмылялся.

Гурылевъ съ Бѣляевской отпѣли молебенъ о благополучной ликвидаціи конторы. Теперь Гурылевъ спѣшилъ въ церковь, а около него припрыгивалъ Башлыковъ, стараясь заглянуть въ глаза, какъ глубокопризнательный песъ. На соляныхъ промыслахъ Гурылева окружали стаи борзыхъ, и онъ, какъ лиса, только вилялъ хвостомъ. Однажды, обиженные возчики набросились на Сашку Конлырева и Осетрова, но Гурылевъ обнялъ своихъ слугъ, а возчикамъ бросилъ по пятаку.

Все шло хорошо.

Пекарь Корельскаго, промелькнувъ съ Пушкарихи на Успенскую, прозвенѣлъ:

— Крыса анаѳемская, родины предатель!...

Гурылевъ понурилъ голову. Башлыковъ принялъ признательную позу, сдѣлавъ видъ оскорбленной невинности и вытянулъ шею.

У церкви низшій клиркъ пробасилъ: — „благодѣтелю, вашими иждивеніями зиждется благолѣпіе".

Гурылевъ промычалъ, будто по брюху провели щеткой.

Къ лавкѣ Истомина подошли мясники и адвокатъ Нуній въ помятомъ котелкѣ.

— И пеня не почемъ,—произнесъ Самоваловъ,—чертитъ себѣ съ почетомъ...

— Дѣло большое,—отвѣтилъ Истоминъ,—съ капиталами, братъ, не какой экстрактъ не пристанетъ...

— Правильно,—согласился Мосѣевъ,—съ капиталами и для спасенія хорошо; всюду можно: въ Соловки, на Аѳонъ.

— Чево баять, — кивнулъ Истоминъ, — съ денежками только разводи руками и койку приготовятъ...

— На томъ свѣтѣ то! — воскликнулъ Нуній,—легендарный мистицизмъ... Вѣрнѣе, въ виду пріѣзда министеріи испросить Божіе благоволеніе.

— Твоя правда,—утвердительно кивнулъ Мосѣевъ,—намедни на меня Тпрутя налегать сталъ: готъ телятъ вы потрошите, сукины дѣти... У меня и поджилки затряслись. Думаю, ужо нагрянетъ начальство—не пожалѣю филейново мѣста...

— Филейное мѣсто,—фыркнулъ Нуній, — это знаменательно! Подпрѣла, братъ, порядкомъ вся нація на плохихъ дрожжахъ: золото—вѣрный показатель душевныхъ настрое-

ній этой твари земной. Въ частности, у насъ, въ Тулѣ, губернаторъ тоже все филейныя мѣста предпочиталъ. Забралъ въ лавкѣ ста на полтора и уѣхалъ. Кредиторъ отписалъ въ газету, а губернаторъ въ казенную, что никогда не кредитовался... Потомъ вдругъ мясникъ получаетъ переводъ отъ Лопухина на 150 р. 60 к. Еще на половинчикъ кагора больше...

У пристани клубилась пыль, въ которой обрисовывалась круглая фигура Яшки Хаминова изъ Сольвычегодска. Яшка болталъ съ Егоркой Жигаловымъ относительно часа пріѣзда.

Тѣмъ временемъ съ Ивановой горы плыло темное облако, поднятое арестантскими метлами. Облако окутало городъ сѣрымъ покрываломъ, надъ коимъ возвышался желѣзный скелетъ купола новаго собора, да за Ейковскимъ монастыремъ тускло слезилось солнце отъ невыносимаго положенія на землѣ. Даже каменные львы на воротахъ у дома Жилина потрескались отъ досады.

Раньше о Яшкѣ и Прошкѣ Хаминовыхъ никто не зналъ, будто ихъ не было на землѣ. Потомъ они получили, какъ даръ неба, наслѣдство и всѣ узнали, а Яшка надулся, такъ словно вскочилъ ему на загривокъ здоровый карбункулъ... Борода у Прошки вымахала какъ хорошее пихтовое помело, порыжѣвшее отъ необычайной работы пищеварительнаго котла...

Въ городѣ хранился стоптанный сапогъ Строгонова, юбка и набрюшникъ. Прошка зналъ досконально подноготную этихъ реликвій и разсказывалъ. Онъ же давалъ министру Рухлову объясненія относительно этихъ реликвій; Рухловъ сунулъ руку, а Прошка поднялся до такой высоты, что даже Иванъ Яковлевичъ Чупраковъ завистливо косился и кусалъ концы бороды.

Всѣ уѣздные поросята гуртомъ повалили къ Прошкѣ: членъ землеустройства, предсѣдатель Управы Поповъ, казначей, Предсѣдатель Съѣзда Гаппановичъ. На собраніяхъ сильно воспламенялись самолюбія. Прошка говорилъ о набрюшникѣ и о томъ, какъ онъ пояснялъ Министру. При этомъ разсказчикъ гладилъ бороду, какъ директоръ Устюгской гимназіи Помяловскій, который читалъ лекціи о Даріи и Рюрикѣ съ такимъ знаніемъ деталей, словно онъ спалъ съ ними тридцать лѣтъ на одной койкѣ и они ему здорово намяли бока... Членъ землеустройства оттиснулъ въ губернской газеткѣ статейку и носился съ засаленнымъ нумеромъ, выставляя на видъ свои литературные труды. Прошку зажигало очень; молчалъ только предсѣдатель Поповъ, не

имѣвшій своей индивидуальности, будто изъ него вытряхнули все самобытное и набили потрохами.

Скоро Прошка продулъ часть состоянія и центръ уѣздной жизни перешелъ къ Яшкѣ. Послѣ прогара членъ увидалъ Прошку у собора и покосился, что на старые штаны, выброшенные на огородное пугало.

Поросята распалили въ Яшкѣ новыя чувства и онъ закоптѣлъ, что плошка съ паклей, залитая бараньимъ саломъ. Такъ какъ и Яшка отъ природы не обладалъ высшими качествами, то онъ вожделѣлъ черезъ приближеніе къ сильнымъ властителямъ земного міра пополнить недостатки, допущенные природой, и терся около нихъ, что глупый антикварій о заплеснѣвшіе казенные мѣшки: блеска все-таки не получалось, но съ пожатіемъ высокой руки въ немъ оживалъ самообманъ и Яшка покрякивалъ передъ появленіемъ чиновныхъ созвѣздій.

Разнюхавъ о приближеніи свѣтилъ, Яшка немедленно выѣхалъ въ Устюгъ.

На пристани передъ Яшкой вопросительно вытянулся охранитель порядка и отрекомендовался:—Старшій городовой Сухановъ.

— Ни дня, ни часу,—развелъ руками Яшка,—высокопоставленныя личности не имѣютъ своей индивидуальности, а все понимаешь,—подмигнулъ Яшка,—норовятъ инкогнито.

— Политика,—кивнулъ Сухановъ,—знаете: все ждешь, ждешь, часъ кажется за годъ, а потомъ, глядишь, и нагрянули...

— Ахъ, это вы, господинъ Хаминовъ изъ Сольвычегодска, родственникъ графа Строгонова—и пошла куралесить...

— Поди счасъ въ ресторанчикъ,—пояснилъ Сухановъ,—и шнапсъ?... Меня тоже исправникъ Солонина,—добавилъ Сухановъ,—заведетъ и коньячкомъ...

— Шнапсъ!—поморщился Яшка,—прежде всего, слово нѣмецкое. Ты осторожнѣй...

Яшка придалъ губамъ форму телефонной трубочки и потянулся къ уху Суханова, но, отвернувшись, махнулъ рукой:—другой разъ,—заторопился онъ къ дому Чебаевскаго, гдѣ стояли Азовъ и Жоржъ Ѳеодосіевичъ.

Азовъ издали приподнялъ шляпу и Яшка зачастилъ ногами, такъ что закружилась пыль, будто по песку волокли куль съ опилками.

— Знаешь?—спросилъ Азовъ.

— Пріѣхалъ,—отозвался Яшка.

Жоржъ пріостановился; на мосту появились предсѣдатель Быстровъ и Гоголицынъ. Они спѣшили на пристань

въ прискочку. Различіе между ними было огромное: Быстровъ съ инспекторами Якубовымъ и Офицеровымъ по одному жесту начальства остановятъ лбами любой паровозъ на полномъ ходу, но въ разговорѣ очень осторожны, все разнюхивали. Поэтому Быстровъ съ инженеромъ Гартванъ завели лисицъ. Тогда какъ Гоголицынъ, что бѣшеный быкъ, вовсе не работалъ головой.

Изъ за городской будки показался исправникъ Солонина: —это что за сборище,—властно произнесъ исправникъ,— знаете, на основаніи?..

— Въ моментъ опасности родины,—возвысилъ голосъ Гоголицынъ,—поговорить нельзя!?

Жоржъ Ѳеодосіевичъ дернулъ Гоголицына за поддевку...

— Что-о? — обернулся Гоголицынъ, — намъ говорить нельзя!?

Гоголицынъ рванулся, и собраніе попятилось шаговъ на пять...

* * *

Наканунѣ пріѣзда попадья Меланья Ивановна проснулась ранѣе обычнаго часа; хотя министръ не по духовной части, но колебаніе почвы чувствовали всѣ.

Меланья Ивановна вскочила съ постели къ окну и вытянулась, оглядывая изъ за занавѣси домъ своей подруги Анны Павловны Шелеховой.

Въ домѣ Шелеховыхъ всѣ были на ногахъ. Анна Павловна стояла въ капотѣ передъ трюмо. Она встала на носки и закинула голову на бокъ. Изъ за шейныхъ складокъ показался тройный разрѣзъ. Анна Павловна медленно отвела голову на законное мѣсто. По мѣрѣ выпрямленія разрѣзъ таялъ въ мелкіе валики и, наконецъ, вся гармонія исчезла въ подбородки, коихъ образовалось три съ мелкой гармоніей. Анна Павловна сдѣлала еще реверансъ съ цѣлью подавить это несносное явленіе второй молодости и приняла позу на подобіе тетевы лука.—Такъ, ничего, — успокоила она сама себя, — да и по картамъ Дарья Бородавкина гадала, что интересъ будетъ...

Въ это самое время Меланья Ивановна, осмотрѣвъ окрестность, встала передъ зеркаломъ. Она сняла съ груди серебряный крестъ и приложила ко лбу, гдѣ краснѣла шишечка, на половину менѣе редиски. Шишечка эта вскочила у Меланьи Ивановны невзначай: она любила при входѣ въ чужой домъ останавливаться у двери. А тутъ, какъ на

грѣхъ, Анна Павловна по радушію распахнула дверь и звякъ по лбу. Матушка даже не пикнула.

Только теперь, надавивъ лобъ крестомъ, она сдѣлала сердитую мину.

— Явися стаду твоему,—забасилъ голосъ попа.

— Ты бы сходилъ за свѣжинкой,—замѣтила попадья,—а то все діаконъ, діаконъ... Неровенъ часъ?

— Чего ходить, — отвѣтилъ попъ, — Жигаловы сулили холку, Шелеховы за требу? Все напоминай.

При мысли о Шелеховой въ груди Меланьи Ивановны проснулись жгучія чувства. Казалось бы, между ними не было почвы для непріязни: Меланья Ивановна высокаго роста, блѣдная, любила отрѣзать правду; тогда какъ Анна Павловна была здобнѣе, на щекахъ круглились ямочки, причемъ она все оглядывалась, точно ее преслѣдовалъ съ поцѣлуями Іуда.

Меланья Ивановна чувствовала свое превосходство передъ „мужичкой“, но одно обстоятельство охлаждало спѣсь матушки: она выдала дочь свою Руфію за богатаго мужика, хотя случилось это помимо ея воли.

Червь сознанія низшаго происхожденія невыносимо глодалъ и Анну Павловну, но она охраняла свое достоинство. Анна Павловна имѣла на рукахъ дочь нееѣсту, Припендепію. И эта то Припендепія была настоящимъ бѣльмомъ въ глазу матушки.

Меланья Ивановна уже намекала Аннѣ Павловнѣ, что Припендепіи пошелъ 23-ій; но Анна Павловна уклонялась отъ прямого отвѣта, что воспламеняло попадью.

Вчера матушка снова намекнула, причемъ подкатила къ этой щекотливой темѣ такъ:

— Анна Павловна,—спросила попадья,—вы Припендепію то крестили у Женъ Мироносицъ?

— Да, матушка.

— Помню, — кивнула попадья, — по метрикѣ въ 1892 г. Значитъ, ей пошелъ 23-ій. Исполнится въ сентябрѣ,—добавила матушка,—24-й пойдетъ...

Меланья Ивановна стиснула губки, какъ бы сдерживая мысли, но это ей не всегда удавалось:

— Саковлевъ, — процѣдила мать, — приказчикъ Дербенева завидный женишекъ: говоритъ, что бисеромъ по бархату...

— Я не неволю,—принужденно улыбнулась Анна Павловна,—сама знаетъ.

Скрытность Анны Павловны подрумянила попадью, тѣмъ болѣе, что Анна Павловна любила сопровождать факты комментаріями.

Одно время думали, что отношенія между подругами оборвались. Анна Павловна узнавъ, что губернаторъ слабъ до женскаго пола, стала готовить наряды, причемъ купчихѣ Чебаевской высказала, что знакомство съ попадьей не соотвѣтствуетъ ея достоинствамъ!

Попадья вспылила; поводомъ къ примиренію послужила исторія доктора N, который снюхался съ купчихой S.

Въ Чистый Понедѣльникъ нищенка Дарья сказала Аннѣ Павловнѣ, а та полетѣла къ Меланьѣ Ивановнѣ. Попадья была не въ духѣ. Вечеромъ попъ легъ спать въ десятомъ, плотно поужинавъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго попъ проснулся и пошелъ шарить по столовой. Въ буфетѣ были пирожки, блины и семга. Попъ оплелъ все, такъ какъ соблазнъ остался бы большой и еще могла зайти какая безбожница? Послѣ второго ужина спалъ попъ тревожно.

Попадья набросилась на кухарку, но та огрызнулась:— да нешто я буду душу свою поганить?

Вотъ почему матушка была не въ духѣ: когда вкатила Анна Павловна приняла вначалѣ сухо, а потомъ заалѣла и подруги ухмылялись. Фактъ униженнаго превосходства разсѣялъ мрачныя чувства.

Дня за два до пріѣзда небосклонъ потускнѣлъ. Анна Павловна секретно заказала Хрусталеву платье съ воротникомъ Маріи Стюартъ и газовыми воланами.

Кромѣ того, она подсолила матушкѣ такъ: за ранней встала впереди матушки, причемъ прошла, будто не замѣтивъ ее. Любопытство, однако, свое взяло: повернуться было не ловко, тѣмъ болѣе, что произошло это во время великаго выхода; но Аннѣ Павловнѣ узнать захотѣлось, какой эффектъ произвелъ ея поступокъ на матушку. Тогда она отъ всего сердца сотворила земной поклонъ и сбоку, наискосокъ, выпучила зрачки на попадью.

Матушка наскоро опустила руки въ карманы драповаго пальто, причемъ карманы округлились, словно туда попали мячики, а лицо Меланьи Ивановны зардѣло.

Наканунѣ пріѣзда нищенка Дарья Бородавкина завернула къ Меланьи Ивановнѣ, которая провела ее въ столовую и угостила.

— Чуешь-ли, матушка, — объяснила Дарья, — Анна-то Павловна заказала для Припендепіи платье Хрусталеву. Наскрозь прошито галуномъ и позументомъ. Въ собраніи танцы; губернаторъ и министръ. Какъ принцесса вырядилась, а вѣдь сама мужичка и однобокая. Сама, матушка, видѣла...

Матушку извѣстіе это ошеломило, какъ обухомъ. Она тотчасъ же рѣшила навѣдаться у Хрусталева и захватила для передѣлки шляпу.

Званіе духовное возносило попадью въ глазахъ Анны Павловны, особенно теперь, когда на горизонтѣ мерещились свѣтила. Меланья Ивановна намекнула Аннѣ Павловнѣ, что за Припендепіей пріударяетъ псаломщикъ и что хотя до попа ему далеко, но чего же ждать?..

Мысль о визитѣ министра съ преосвященнымъ приподняла Меланью Ивановну: — я бы ужъ ей, — погрозила попадья,—утерла носъ...

Ободренная этой мыслью, Меланья Ивановна понеслась къ Хрусталеву. Изъ за дома Чебаевскаго пахнуло на нее навозное облако, такъ что матушка отвернулась, причемъ взглядъ ее упалъ на сторожа Нила, который, отправившись за бѣлилами къ Ноготкову, болталъ съ маляромъ Захаромъ съ известковой шашкой у носа.

— Нилъ!—крикнула попадья, — ты это чего тамъ, иди скорѣй, батько ждетъ? Да скажи Шелеховой, а сама платья съ позументами?

— Страсть матушка,—поддакнулъ Нилъ,—у Хрусталева съ парчей...

Попадья быстро устремилась къ Хрусталеву. Только она свернула съ Преображенской, какъ ей живо представилась Анна Павловна въ платьѣ съ позументомъ.

— Ни къ свадьбѣ-ли,—освѣдомилась попадья, осматривая воланы.

Анна Павловна замялась; но выручила находчивость Хрусталева: онъ изысканно накренился передъ дамами и, слегка прищуриваясь на лѣвый и правый глазъ, учтиво произнесъ:

— Мы не столько ради денежныхъ интересовъ,—сказалъ онъ, потирая ладонь о ладонь,—сколько для престижа собственной солидарности...

— Ну ужъ вы,—сдѣлала кокетливую гримасу попадья,—а шляпку къ вечеру можете?

— Ни, ни,—отрицательно развелъ руками Хрусталевъ,—не въ силахъ. Конечно, это предвзятость; но, увы, функціи не позволяютъ-съ. Какъ финтили здѣсь начальница гимназіи и семинаріи, подобно сорокамъ, если позволите такое уподобленіе, и то знаете... Само собой ясно, что грядущія событія суть фиктивныя проявленія замаскированной бездѣятельности власти, поднимающія дегенеральныя возмущенія въ заплеснѣвѣвшихъ общественныхъ толщахъ...

При этомъ рука Хрусталева коснулась матушкиной жакетки: — понимаете, — подмигнулъ онъ, — иногда овладѣваетъ комичное настроеніе.

Попадья принужденно раскланялась. За ней поспѣшила и Анна Павловна.

Казалось, все обошлось хорошо; но на перекресткѣ матушка поднесла къ носу Анны Павловны фигу: — не ладишь ли ты свою однобокую за министерскаго чиновника? — Наткось вотъ...

Въ цирульнѣ.

Около парикмахерской Филимонова прохаживался купецъ Добрецовъ. Только матушка свернула на Успенскую, Добрецовъ исчезъ...

Попадья обладала острымъ ясновидѣніемъ, но на этотъ разъ стала втупикъ. Идти къ парикмахерской она не хотѣла. Однако, любопытство обуздало...

Среди мохнатыхъ обитателей земного шара такимъ же любопытствомъ отличается песецъ, который, замѣтивъ самоѣда, разставляющаго ловушки, какъ только скроется последній, сейчасъ же явится и осмотритъ, въ чемъ дѣло. Часто звѣрекъ платится за свое любопытство шкуркой; но съ попадьей этого не случилось. Поравнявшись съ парикмахерской, попадья оглянулась кругомъ, но парикмахерская была закрыта, и только слѣпой случай помогъ: дверь калитки слегка дрогнула.

Меланья Ивановна прищурилась въ щелочку и узрѣла: Добрецовъ, вскарабкавшись на тресковую бочку, барабанилъ пальцами въ стекло.

Попадья попятилась, чтобы не повстрѣчаться. Но тутъ ей пришлось описать громадный радіусъ, такъ какъ съ Преображенской прошла на Успенскую Анна Павловна.

Движеніе въ городѣ оживлялось. Голова Емелькинъ былъ въ отпуску и спѣшно телеграфировалъ своему замѣстителю Кушеверскому, что не нуженъ-ли онъ въ виду великихъ событій.

„Нѣтъ, не надо, написалъ Кушеверскій, обойдемся... Потомъ Кушеверскій скомкалъ листокъ и на другомъ начерталъ: „просьба ваша оставлена безъ уваженія... И этотъ листокъ постигла участь перваго... На лицѣ Кушеверскаго сложились мелкіе полукруги: „неловко, рѣшилъ Кушеверскій, какъ старику отказъ отъ мѣста въ богадѣльнѣ...“

Между тѣмъ время летѣло. По тротуару возлѣ парикмахерской прогуливался владѣлецъ кассы ссудъ Евлампіевъ

съ большой темно-сивой бородой, а со двора осаждалъ Добрецовъ.

Тревога охватила гражданъ. Даже Степанъ Иванычъ Игумновъ, человѣкъ уравновѣшенный, не поддающійся дешевымъ эффектамъ перепуталъ коробки алмазовъ съ очками, и наоборотъ. Потомъ ни съ того ни съ сего сталъ встряхивать пыль съ коробокъ о выручку съ такой силой, что очки зазвенѣли и на тревогу прилетѣлъ Сергѣй Иннокентіевичъ Полдневъ съ свѣтло-сивой бородой и морщинистымъ лицомъ, что выдоенное вымя холмогорки.

— Что, что?—спросилъ Полдневъ,—пріѣхалъ?

Степанъ Ивановичъ тряхнулъ бѣлой головой и еще ожесточеннѣй застучалъ. Зубы у него и концы усовъ пожелтѣли.

— Будь я головой,—произнесъ Степанъ Ивановичъ,—на Устюгъ давно провелъ бы желѣзную: самъ оберъ-прокуроръ Синода руку подаетъ. Что думаешь, нѣтъ?

Стеклянная дверь парикмахерской трагически треснула отъ напора вожделѣній.

Филимоновъ, взглянувъ на часы, крикнулъ подручному: открой, пора.

Въ парикмахерскую вошли: Евлампіевъ, Ноготковъ, Медвѣдковъ и Добрецовъ. Пока вошедшіе обмѣнивались привѣтствіями, юркнулъ подрядчикъ-строитель Шумиловъ. Онъ былъ возбужденъ, такъ какъ, кромѣ непрочныхъ зданій, чувствовалъ гнетъ: у него жила дѣвочка родственница въ прислугахъ, но обходились съ ней такъ плохо, что несчастная отравилась.

Шумиловъ, занявъ первое мѣсто, нервно затеребилъ усы.

Филимоновъ учтиво раскланялся и развелъ руками, какъ бы давая понять о преимуществахъ Кушеверскаго на первое мѣсто.

Лицо Шумилова надулось и побагровѣло, будто ему сдѣлали подкожное впрыскиваніе дегтя.

Филимоновъ безпомощно поморщился передъ Кушеверскимъ и произнесъ:—во второмъ ночи отъ Дербенева,—началъ онъ,—въ сюртукахъ и улеглись. Ей-ей!.. Ожидали утромъ, но въ тревогѣ трудно установить.

— Н-ну,—протянулъ Шумиловъ.

— Конечно,—пояснилъ Филимоновъ.—Это только понятіе. Вамъ, какъ прикажете?—обратился онъ къ Шумилову.—Знаете въ Петроградѣ принцъ Дурандъ Пинтуляй обожаютъ бобрикъ съ эспаньолкой. Въ двадцать минутъ готово. Всегда золотой платили. Дивиденды несмѣтные имѣли. Волосъ не отращивали: только чуть-чуть подкруглишь деликатненько. Графъ Фентифлюй опять ежикъ предпочитали. Хотя диви-

денды не имѣли, но всегда золотой, понимаете для гонора пыль...

— Вамъ бока снять?

— Нн...—промычалъ Шумиловъ.

— Я думаю лучше,—посовѣтовалъ Филимоновъ.—Такъ товарищъ министра симпатизируютъ. Готово. Сейчасъ пофиксотуарю. Въ данный моментъ употребительно слово фиксація, понимаете рубль подешевѣлъ.

Филимоновъ перевелъ взглядъ на Евлампіева:—а вамъ, Андрей Петровичъ, можно прямо косильной машиной... Другіе изъ денежныхъ расчетовъ. Вотъ бы такую рощу господину Кушеверскому, какъ представителю городскихъ прерогативъ. Къ прискорбію у васъ, г. Кушеверскій, рѣдко, хотя, если обработать, благородства и эстетики будетъ больше.

Филимоновъ вонзилъ оттопыренные пальцы въ рощу Евлампіева и прозвенѣлъ ножницами въ воздухѣ: изъ этого матеріала можно, а у то де фляжъ или эспань де луа. Только это для танцъ-классъ, а вамъ, я полагаю, лучше подравнять бока выемкой: знаете, какъ у маркиза Шато-Бріанъ.

Филимоновъ тряхнулъ за растительность Евлампіева.

— Волосъ—глупъ,—улыбнулся Кушеверскій.

— Вполнѣ съ вами солидаренъ,—кивнулъ Филимоновъ,—я лишь констатирую фактъ, что все несовершенное, злое и преступное всплываетъ къ верху, вопреки закону... Непонятная дисгармонія.

— Вимъ прическу а la капуль?

— Все равно,—протянулъ Евлампіевъ.—У меня уже одна нога въ могилѣ.

— Неукоснительно!..—воскликнулъ Филимоновъ.—А la капуль—московское именитое предпочитаетъ. И вдругъ въ загробномъ мірѣ полюбопытствуютъ: почему вы, господинъ Евлампіевъ, отстали?

Евлампіевъ отошелъ къ окну и принялся отыскивать въ кошелькѣ потертый гривенникъ.

— А вамъ а la Донъ-Жуанъ?—обратился Филимоновъ къ Кушеверскому.

Въ парикмахерскую вошла Анна Павловна, а за ней техникъ Ладовскій и предсѣдатель Быстровъ, содѣйствовавшій избранію Ладовскаго въ почетные судьи. За этой командой влетѣли: Ноготковъ, Медвѣдковъ, Полдневъ и Гущинъ. Изъ-за головы Быстрова выглянула Меланья Ивановна, за ней стояли инспектора просвѣщенія: Офицеровъ и Якубовъ, предугадавшіе по инстинкту прибытіе директора просвѣщенія Ведрова за два дня. Далѣе изъ-за оттопыренныхъ ушей Быстрова ничего нельзя было разглядѣть

Лишь изъ окна учительской семинаріи выглядывала модная прическа начальницы, принявшей въ семинарію по протекціи свояченицъ Быстрова Кондыревыхъ, не толкующихъ ни аза...

Филимоновъ привѣтливо улыбнулся и снова зазвенѣлъ надъ головой Кушеверскаго ножницами.

Офицеровъ, Якубовъ и попадья сдѣлали попятную.

— Иногда,—заговорилъ Филимоновъ, кивая на Офицерова,—подъ внѣшней солидарностью скрываются посредственныя способности, примѣнительныя къ отправленію низшихъ функцій.

— Виноватъ,—оправился Филимоновъ,—вы, Анна Павловна, за косой?

— Да.

— Положительно не могу,—провелъ рукой по горлу Филимоновъ.—Вечеркомъ.

— Господа,—раздался голосъ въ толпѣ,—первое мѣсто почетному судьѣ?

Шапочникъ Гущинъ дернулъ усы: у предсѣдателя болѣе активныя функціи.

— Не понимаю,—вмѣшался Филимоновъ,—у насъ сами граждане обостряютъ квинтъ-эссенцію...

Филимоновъ слегка провелъ пуховкой по эспаньолкѣ Кушеверскаго и склонилъ голову на плечо.

— Великолѣпно,—замѣтилъ Быстровъ и осклабился, какъ будто ему бросили въ лицо горсть нюхательнаго табаку.

Быстровъ собралъ пятерней бороду и взвелъ бѣлки въ зеркало:—пожалуй и мнѣ а la Донъ-Жуанъ?

— Знаете,—возразилъ Филимоновъ,—среди земскихъ учительницъ большой фуроръ имѣетъ фер-а-шваль. Конечно, можно и а la Донъ-Кихотъ, Испанскій рыцарь, воевавшій съ мельницами.

— Аллегорія,—какъ бы, пояснилъ Гущинъ.

— Строго говоря—да,—подтвердилъ Филимоновъ.—Гогенцоллерны—предки Вильгельма—промышляли разбоями, какъ и Габсбурги. Впослѣдствіи стали возноситься, какъ только забрали денежную силу, а пасторы и ксендзы принялись молиться... почтенная генеалогія-съ!—пояснилъ Филимоновъ.

— Тѣмъ не менѣе,—возвысилъ голосъ Гущинъ,—образовались?

— Феноменально,—согласился Филимоновъ,—техника поразительно прогрессируетъ.

— Вѣрно, вѣрно,—раздался голосъ и за спиной Медвѣдкова показался Гоголицынъ.

— Дава-ка мнѣ,—заспѣшилъ Гоголицынъ,—на скору руку продерни ножницей въ скобку. Доложу его высокопревосходительству, а если чуть что и выше.

Гоголицынъ сдѣлалъ энергичное движеніе такъ что почетный судья стукнулся затылкомъ въ самый носъ Медвѣдкова.

— Пусти-ка ты,—загорячился Гоголицынъ, передвигая кресло Быстрова,—ладно, хорошъ и лучше не будешь. Дай мнѣ чуточку подравнять загривокъ... Мылить не надо, а просто ножницей, потому бритва мой волосъ не возьметъ.

Быстровъ покорно вскочилъ съ кресла, какъ онъ дѣлалъ передъ губернаторомъ. Остальные тоже растерялись.

— И начальницѣ семинаріи,—повысилъ тонъ Гоголицынъ,—намнемъ бока... По протекціи всю семинарію заполнила свояками тупицами, а способныя ученицы остались.

Филимоновъ минуты три не могъ придти въ себя и стоялъ съ открытыми ножницами.

— Дѣйствуй, — скомандовалъ Гоголицынъ,—время дорого. Мнѣ вотъ,—стиснулъ кулакъ Гоголицынъ,—попади отецъ родной не пощажу: скулы выворочу...

— Надо еще о Гартванѣ,—перевелъ Гоголицынъ,—набережную все возводитъ... Зеленковичъ такъ доложилъ министеріи, что ледоходомъ на Двинѣ перебило всѣ бакены и фонари. Потомъ узналъ Зеленковичъ, что ѣдетъ комиссія осмотрѣть—приказалъ перебить всѣ фонари, маяки и бакены... Дуй тя горой, какъ робятъ! Гартванъ еще чище: выстроилъ набережную, а весной Сухона унесла съ берегомъ... стало хуже. Съ такими ребятами и будущее не страшно...

— Позвольте, господинъ Гоголицынъ,—вѣжливо замѣтилъ Филимоновъ,—вы упускаете изъ виду продольное сѣченіе...

Медвѣдковъ раскрылъ ротъ, чтобы чихнуть, но только поморщился и бойко замахалъ руками какъ тараканъ, упавшій въ кринку съ молокомъ.

— Ладно, поскорѣй,—не вытерпѣлъ Гоголицынъ.—Поворачивай, живо... Хоша и рубцомъ выйдетъ нечаво!..

— Неприлично-съ,—деликатно перебилъ Филимоновъ,—скажутъ его высокопревосходительство, какъ у барана-съ загривокъ окромысали. Вамъ усы а la Вильгельмъ?

— Ты мнѣ говоришь!?

— Да-съ.

— Смотри, братъ,—нахмурился Гоголицынъ,—знай край, но не падай. Ежель топеря раскипятишь мое ретивое, вся твоя цирульня полетитъ...

— Извольте-съ,—прозвенѣлъ ножницами Филимоновъ,—готово-съ.

— Сойдетъ,—произнесъ Гоголицынъ и, наскоро вручивъ гривенникъ, скрылся.

— Конгломератъ-съ, — улыбнулся Филимоновъ, — понимаете, даже умственнаго настроенія лишилъ.

— Съ нимъ, братъ, не шути,—сказалъ Медвѣдковъ.

Ноготковъ плюнулъ на ладонь и сдѣлалъ быстрое движеніе къ Филимонову; но Полдневъ, ухвативъ руку Ноготкова, предотвратилъ битву.

— Они, — оправдался Полдневъ, — горячо интерпелируютъ-съ на всякое антирелигіозное выраженіе атеизма.

— Совершенно не понимаю,—горько поморщился Филимоновъ.—Впрочемъ, въ зависимости отъ индивида одно и то же понятіе поднимаетъ пассивныя и активныя импульсіи и эмульсіи... Государственныя стихіи, охраняющія общественныя толщи, проводятъ-съ душеспасительныя ассамблеи, различные туманы, но чистыхъ знаній ни-ни.

— Во, во,—кивнулъ Полдневъ.

Ноготковъ открылъ ротъ, но дверь парикмахерской раскрылась и въ залъ вошелъ Яшка и Жоржъ Ѳеодосіевичъ, а Ноготковъ съ минуту стоялъ съ высунутымъ языкомъ, какъ бы желая убѣдить компанію, что желудокъ у него работаетъ исправно.

* * *

Пріѣздъ министра вызвалъ въ купеческомъ обществѣ страшный расколъ. По традиціямъ съ нимъ связывались улучшенія и нововведенія, но, тлѣли, какъ въ торфяныхъ болотахъ перегной и тщеславные инстинкты: черезъ приближеніе къ земнымъ свѣтиламъ именитые граждане вожделѣли воспринять блескъ. И купечество раздѣлилось на двѣ партіи. Къ первой принадлежали старые устюжане: Азовы, Чебаевскіе. Къ нимъ же приткнулся Яшка Хаминовъ.

Къ второй принадлежали: торговый домъ братья Дербеневы, торговый домъ Шумиловъ, Сергѣй Инокентіевичъ Смолинъ.

Старшій Дербеневъ, съ длинной, свѣтло-рыжей бородой, человѣкъ степенный, даже когда блоха кусаетъ подъ мышкой ужъ не сдѣлаетъ неловкаго движенія, что институтка. Въ то время какъ мясники Кокшаровы и вообще мелочники послѣ Прокопьевской, когда скопляется много накипи, причащались, старшій Дербеневъ въ Прокопьевъ день пробѣгалъ съ кутьей на рынкѣ до отпѣва... ремесленная школа

выставила пробныя издѣлія, а Дербеневъ скупалъ у кустарей по чемъ придется. Нынѣ онъ хотѣлъ забрать и школьныя издѣлія, но осѣкся.

Младшій Дербеневъ имѣетъ лоскъ „культурнаго“ человѣка, съ брюшкомъ, розовый и состоитъ старостой собора. Какъ говорится, не удался только средній: онъ постоянно закладывалъ за галстукъ и что попало.

Дербеневыхъ возвышало въ глазахъ мясниковъ и мелочниковъ еще и то обстоятельство, что братья читали „Новое Время“, тогда какъ Кокшаровымъ, Мосѣевымъ и К° газета была недоступна, что и возносило Дербеневыхъ, да и сами они глядѣли сверху внизъ. Мясники и не возносились, признавая свою униженность: — гдѣ ужъ намъ до нихъ,—говорили они.

Вотъ почему наканунѣ пріѣзда въ обширномъ магазинѣ братьевъ Дербеневыхъ было оживленно. Въ модномъ отдѣленіи Анна Павловна съ Припендепіей разсматривала новости сезона. За Припендепіей пріударялъ молодой Дербеневъ, исключенный изъ VI класса.

Приказчикъ Саковцевъ не жалѣлъ краснорѣчія.

— Я бы хотѣла шляпку,—сказала Припендепія,—мадамъ Рыжиковой изъ Москвы?

— Рыжиковой,—поморщился Саковцевъ,—одно вступленіе, или точнѣе, предисловіе-съ!.. У насъ исключительно новости Парижа, а Рыжикова знаете...

Въ мануфактурномъ отдѣленіи у письменнаго стола сидѣлъ младшій Дербеневъ. На визави его Быстровъ съ бородкой a la Донъ-Кихотъ, сбоку Быстрова инженеръ Гартванъ, строитель набережной. За Гартваномъ сидѣли Евлампіевъ и торговецъ фруктами Ибрагимовъ.

Старшій Дербеневъ читалъ „Новое Время“ въ конторѣ. Дербеневъ поднялся съ газетой выше матоваго стекла и оглянулъ улицу. Подъ окнами магазина шли мясники Мосѣевъ и Кокшаровъ. Лицо Мосѣева смахивало на розовую брюшину нетели съ бѣлыми шерстками; лицо же Кокшарова походило на толстый филей, разрѣзанный давно и побагровѣвшій. За нимъ быстро просеменилъ ногами замѣститель головы Кушеверскій съ прической a la Донъ-Жуанъ. За лѣвымъ ухомъ его волоса были приплюснуты, какъ развернутый хвостъ темно-сѣрой курицы.

— Это представитель городскихъ прерогативъ,—улыбнулся старшій Дербеневъ и, сложивъ газету, поспѣшилъ въ магазинъ. Мимоходомъ онъ покосился на зеркало и какъ то лихорадочно припрыгнулъ: на затылкѣ и за правымъ ухомъ зіяли два пятна на подобіе пролежней, причемъ на самомъ загривкѣ бѣлѣлъ плотно приплюснутый клочекъ

ваты, лоснившійся отъ фиксатуара... Дербеневъ оправился гребнемъ, но волосы приняли прежнее положеніе.

Появленіе его въ магазинѣ вызвало оживленіе: лица повеселѣли, а глаза присутствующихъ замаслились.

Въ свою очередь Дербеневъ раскрылъ ротъ, чтобы выразить привѣтствіе, но не въ силахъ былъ воздержать внутреннее исторженіе...

Борода предсѣдателя Быстрова имѣла форму согнутаго рога быка, помятаго неодолимой силой мускульной работы.

— Я думаю,—перебилъ Быстровъ,—безъ комментарій о постороннихъ цѣляхъ, необходима, такъ сказать, провиденціальность, дабы изучить психологію его высокопревосходительства, его вожделѣнія, чтобы представить хоть блѣдное отраженіе неба на землѣ... Иначе, если сразу выдвинуть мѣстныя нужды... дѣло можетъ потерпѣть фіаско.

— Совершенно вѣрно,—согласился Дербеневъ,—нуженъ сдвигъ всего общества, не взирая на политическія убѣжденія, къ единенію съ высшими представителями власти.

— Понимаю, — бойко передвинулъ ермолку на темя Ибрагимовъ,—тоды треній не будетъ: шурунъ бурунъ...

Старшій Дербеневъ снисходительно улыбнулся.

Ибрагимовъ передвинулъ ермолку на другой бокъ:— Намъ пельсинъ, лимонъ, дюшесъ,—заговорилъ онъ,—а кто хошь, читай Новую Время, Биржевку, Русской Слова, Рѣчь. Только мы ее селедку вертимъ. Все кругомъ яблоки, сардины... Другой разъ „Колоколъ" попадетъ—мыло казанское, копчушку. Русской Слова большой листъ—безе кладемъ.

— Господинъ Ибрагимовъ,—воскликнулъ младшій Дербеневъ,—вы упускаете изъ виду нейтралитетъ Швеціи...

— Нейтралитетка—фуй,—присвистнулъ Ибрагимовъ,— Аллахъ есть Богъ. мухамедъ его пророкъ. Турція тоже нейтралитетка... Султаны содержатъ гаремъ, пышные дворцы, выколачивали съ бѣдной турка мильоны, сотни мильоны на развратъ. Башибузукъ нагайкой нейтралитетку правили. Нищая турка держала пышный разгулъ и дичала.

— Господа,—заявилъ старшій Дербеневъ,—факты, приведенные г. Ибрагимовымъ, весьма внушительны.

— Вамъ приличнѣе,—произнесъ Быстровъ.

— Заранѣе открещиваюсь,—самодовольно кивнулъ Дербеневъ.—Я думаю, — добавилъ онъ, — возложить на Андрея Петровича?

Произошла заминка; въ магазинъ влетѣли дамы: нищенка Дарья Бородавкина, а за ней граціозно вытягивала голову преподавательница математики учительской семинаріи. Юркая, черненькая, быстро просеменила къ Быстрову.

— Понимаете,—затораторила ворона,—на насъ съ вами кляуза его превосходительству.

— Его Высокопревосходительству,—поправилъ младшій Дербеневъ.

— Это все равно,—отрѣзала учительница.

— Далеко не все,—вмѣшался старшій Дербеневъ:—его превосходительство—дѣйствительный статскій, а его высоко—дѣйствительный тайный!.. Дистанція.

— Отъ личнаго взгляда, — пояснилъ младшій Дербеневъ:—одинъ еще не удостоившійся, но вожделѣтъ полное титулованіе; другой—смотритъ индиферентно.

— Шалтай-балтай, — почесалъ за ухомъ Ибрагимовъ,—легкая газъ летятъ кверхъ: надо тяжелый баластъ...

— Я васъ понимаю!—воскликнулъ Евлампіевъ.

— Они,—вѣжливо склонился приказчикъ Саковцевъ, — въ существахъ, неодаренныхъ высшими эмоціями, развиваютъ поразительныя тенденціи къ высокимъ полетамъ и чѣмъ ниже интеллектуальная и моральная субстанціи — тѣмъ заразительнѣй...

— Господа, — перебила учительница, — позвольте окончить:—будто мы съ предсѣдателемъ заполнили семинарію тупицами Кондыревыми, а способныя не попали?

— Великоустюгское бюро агентства Рейтеръ—улыбнулся Дербеневъ, оглядывая пытливо Дарью.—Что? тревожно спросилъ онъ.

— Азовы и Чибаевскіе поносятъ—доложила Дарья,—готъ Володимірскіе богомазы Дербеневы представляютъ нужды города и купечества министру, а мы, старое, именитое великоустюгское купечество?

— Не усту-пимъ!

— Не позволимъ!

— Да такъ, батюшка, разошлись и не приведи Богъ... Изъ Сольвычегодска Яшка и Прошка Хаминовы наѣхали. Бородище Прокопья ниже пиджака. Чудешь разсоломъ де мазалъ изъ подъ семнадцатаго грунта... и трехъ камней... Вытребуемъ вотъ самово Емелькина, а Кушеверскаго-фискала вонъ!.. Азовъ отъ тоже мочилъ бороду въ разсолѣ.

Лицо Дербенева приняло видъ тряпицы долго лежавшей на весеннемъ снѣгу, а выше лба легла темная полоса точно наложили компрессъ синимъ коленкоромъ.

На Соборной площади, нѣсколько въ сторонкѣ отъ магазина, телеграфистъ Дормидонтъ съ маленькой сумочкой у пояса безнадежно разводилъ руками передъ Меланьей Ивановной, которая, какъ пароходъ, летѣвшій полнымъ ходомъ вдругъ наскочилъ на песчаную мель и вращалъ колесами, не двигаясь съ мѣста.

— Министръ не прибудетъ,—пояснилъ Дормидонтъ и развелъ руками: имъ положительно некогда. Рассея велика, тутъ надо, тамъ нужно, энъ еще нужнѣй, а голова одна...

Матушка быстрой походкой понеслась въ модное отдѣленіе магазина: Анна Павловна, развернула объятья.—Меланья Ивановна, знаете новость?

— Нѣтъ,—перепугалась Анна Павловна и даже забыла о конфликтѣ. Пойдемьте къ чаю; знаете тутъ есть романическая подкладка...

Вѣсть, принесенная матушкой отозвалась сильнѣе каменной тучи, которая пронеслась стороной, какъ гласитъ преданіе по молитвѣ Прокопья праведнаго Христа ради юродиваго устюгскаго чудотворца...

Воцарились растерянность и уныніе. Даже навозная туча поднятая арестантскими метлами остановилась у Дымкова; только Меланья Ивановна пріятно кривила ротъ, да на пристани сѣверной вольной дружины Егорка Жигаловъ въ предвидѣніи прибылей отъ грабительскихъ операцій дружины беззаботно болталъ ногами, оглядывая пристань.

Съ парохода грузчикъ пронесъ на спинѣ бочку зубатки 14 пудъ. Дно бочки разломано; катить нельзя. Ввалили на спину, а на случай, если бы спина треснула, то для безопасности зубатки, за грузчикомъ шелъ другой съ желѣзнымъ крючкомъ.

„Благочестивые“.

Въ городѣ царила тишина.

Съ вокзала проѣхали извозчики. На одной пролеткѣ вздрагивала полицейская кокарда съ отеками на щекахъ. Колеса громко простучали о камни мостовой и мелкой дробью растаяли въ сонныхъ закоулкахъ.

Во дворѣ мясной лавки Соколова по N-цовской улицѣ тревожно замычали коровы. Онѣ уже дня три стояли безъ корма. Бока ввалились, а ребра выставились. Ночью коровы нѣсколько притихли; но теперь, при грохотѣ колесъ снова замотали головами.

Городовой Викула съ большимъ краснымъ носомъ, что стручекъ перца, покорно вытянулся и козырнулъ кокардѣ, а потомъ, свернувъ цыгарку „собачьей ножкой“, задымилъ.

— Благородіе, задумчиво произнесъ Викула и откедова эфто?

— А тьфу,—сплюнулъ блюститель и затянулъ.:

Маруся отравилась
Въ больницѣ померла,
Да-авали ей мякстуру
Ена непринниматъ!..

На сѣрое полотно улицы ложились темные силуэты домовъ; изъ за нихъ просвѣчивали розовыя полосы зари, загоравшейся на востокѣ широкой кровяной лентой. Въ центрѣ этой ленты яркимъ царственнымъ брилліантомъ блестѣла утренняя звѣзда.

Николай Петровичъ стоялъ на молитвѣ. Въ смежной комнаткѣ молилась на колѣняхъ его супруга Анна Петровна. Квартирка четы была преисполнена набожности и смиренія. Когда загромыхали колеса на мостовой, Николай Петровичъ взглянулъ въ окно. Ротъ его скривился на кокарду и Викулу, но тѣнь благочестія осѣнила его лицо и Николай Петровичъ протяжно вздохнулъ: Господи, спаси благочестивыя и напой водами“...

Глаза Анны Петровны глядѣли строго, а губы вздулись, словно ужалила оса.

— Сварить бы? заговорилъ Николай Петровичъ. Ба, да чево я? спѣшно оправился онъ, вѣдь сегодня среда, преподобный Варадатъ, подвижникъ сирійскій жилъ въ хижинѣ, а потомъ заключился въ ящикъ, который былъ короче его роста.

— Рыжички есть? перевелъ Николай Петровичъ, ладно, обойдемся. Завтра—Нины, тезоимениство губернаторши...

На лицѣ Анны Петровны сморщились косыя складки точь-въ-точь она натягивала на ногу тѣсный башмакъ. Потомъ верхняя губа дрогнула и снова вздулась: „Коля произнесла она, вотъ вѣдь врагъ-то какъ вашего брата куделитъ"?

— Ну чево тебѣ Нина?

— Къ слову.

— Барабанишь ты не дѣло, упрекнула Анна Петровна: помысломъ въ рай, а бѣсъ въ оврагъ.

— Сумлительность навела возразилъ Николай Петровичъ, да куды-те до Нины? Власть отмѣченная перстомъ Божіимъ. Души ихъ во благихъ воплотятся.

Вчера заходилъ племянникъ Николая Петровича коренастый кузнецъ Гришка, замѣнявшій въ кузницѣ Девяткова станки для ковки лошадей и Девятковъ не нарадовался на Гришкинъ позвоночникъ. Гришка просилъ о помощи вдовѣ Купріянихѣ, оставшейся безъ обсѣмененія полей. Вмѣстѣ съ Гришкой ворвался въ обитель супруговъ духъ блудомыслія. Послѣ его ухода Николай Петровичъ долго ухмылялся въ усъ; Анна Петровна вздрагивала и набожно крестилась.

Пронесся глухой дребезжащій гулъ колокола. Николай Петровичъ насторожился. «Въ Кирило-Рощенской», проговорилъ онъ и наскоро отправился въ храмъ.

Николай Петровичъ молился минутъ десять когда въ церковь легкой походкой просѣменилъ батюшка съ сѣдыми прядями въ бородѣ. Изъ алтаря батюшка покосился на синеватый особнякъ милліонера Иванъ Иваныча.

Отъ амбаровъ Иванъ Иваныча медленно брели гуськомъ грязные, отрепанные грузчики съ ящиками стекла пудовъ по шесть. По доскамъ на баржи грузчикамъ было еще труднѣе: малѣйшая неловкость и концы въ воду... Ящики стекла были подвязаны поперекъ спины толстой веревкой и въ случаѣ бѣды ящикъ и грузчикъ полетѣли бы вмѣстѣ въ быстрину рѣки: Иванъ Иванычъ хмуро поглядѣлъ и повернулся къ церкви: «худо безъ свово глаза, проворчалъ онъ, бредутъ, что старухи». На половинѣ пути Иванъ Ива-

нычъ круто взялъ назадъ: ты стекло-то не потопь!.. Машенн... зарычалъ благодѣтель.

Изъ лѣваго выхода алтаря сторожъ вынесъ коверъ и разостлалъ вблизи амвона, гдѣ отгорожено мѣсто миліонера потомъ, когда вкатилась фигура миліонера сталъ услужливо разглаживать; а Иванъ Иванычъ вошелъ въ свою клѣтку и грузно опустился на колѣни. Батюшка взошелъ на амвонъ, покадилъ на царскія врата и вытянулъ голову на клѣтку Иванъ Иваныча, потомъ медленно перевелъ зрачки на Марью Ивановну Бѣленькую, стоявшую тоже на отдѣльномъ коврикѣ, что глазированный тортъ. За Бѣленькой возвышалась, что тыква сбоку помятая колесомъ сухая, морщинистая голова съ ухнувшимъ ртомъ пароходчика Королева. Въ храмѣ было тепло. Въ верхнія окна врывались снопы солнечныхъ лучей и воздухъ трепеталъ въ золотыхъ отблескахъ иконостаса. Надъ головой Иванъ Иваныча серебрились струйки пара, а на лбу блестѣли мелкой розсыпью бриліантовъ капельки пота—святые осадки духовнаго умиленія.

Анна Петровна была у Екатерины Мученицы. Служба тамъ отошла раньше и она перешла въ Духовъ монастырь. Здѣсь Анна Петровна увидѣла странницу Агафью съ „дальнимъ" окомъ. Послѣ отпѣва Анна Петровна пригласила Агафью къ чаю.

Агафья пытливо оглянула квартирку четы и перекрестилась: „вы Бога не забывайте, и васъ Богъ не оставляетъ безъ всяково вниманія".

— Гдѣ побывала, Агафьюшка, спросила Анна Петровна.

— Счасъ изъ Старово Ерусалима, отвѣтила Агафья ко гробу Господню сподобилась. Хорошо, матушка, хорошо: стоишь не знамо на землѣ ты иль на небѣ. Самъ патріархъ служилъ. Гласъ-Божій былъ, а енъ сухой, какъ изъ гроба поднялся. Здѣсь ужъ не то. Духовской архерей, не въ осудъ буди ходитъ съ полотенцемъ и къ Престолу Господню повернется, а ручки—какъ вата. Дамскій архерей. За нимъ батюшкой вся святыня меркнетъ, что солнце за тучей,..

— А мы грѣшные, вздохнула Анна Петровна, какъ куры въ знѣздѣ.

— Была, матушка, была,—повторила Агафья еще за Ерусэлимъ двѣ тыщщи шла на самый край земли вертячей. До солнца—рука подать. Горитъ оно тамотко тускло, какъ самоварный подносъ. Только сама я до эфтаво мѣста не доходила, а былъ странный человѣкъ Божій Андронъ. Енъ, матушка, шесть денъ шелъ задомъ впередъ и гритъ о чудесахъ Господніихъ уму непостижимо. Пупъ земли видѣлъ?

— Да какъ ужъ, Агафьюшка, кивнула Анна Петровна

такой человѣкъ. Ты покушай, обратилась хозяйка, лепешки-то вчера пекла.

— Не ѣмъ вѣдь я матушка, возразила Агафья, такъ ужъ когда приструнитъ крошечку проглотишь. Вотъ въ Халуй-Городѣ былъ мильонщикъ, Данкинымъ прозывался. Такъ энъ тоже наставитъ къ чаю вареній, печеній, а мнѣ ни къ чему. Пристрастья не имѣю. „Коли такъ, скажетъ, на вотъ тебѣ“ и сунетъ въ карманъ... Ковды енъ скончался благоуханіе пошло.

— Вѣрно, вѣрно, погладилъ бородку Николай Петровичъ.

Агафья поднялась со стула и стала оправлять платокъ.

Да ты куда?—остановилъ ее Николай Петровичъ.

Анна Петровна вручила Агафьѣ рубль на „поминъ душъ“.

— Тороплюсь, батюшка,—поклонилась Агафья и упала на колѣни.—Много обителевъ господнихъ,—пояснила Агафья для спасенія душъ праведныхъ. И соблазну—море. Норовить всяка душа легко жить, ѣсть и пить въ свое благополучіе, да и побаиватся, чтобы „тамъ“ не было худо!.. Все на шармачка, труда честново ни ни. Вся жисть на воровской стрункѣ... А ли-бы нѣтъ. Топеря съ палочкой до Уралъ горы благодатной, а табмотки за Обь матушку.

Своякъ Николая Петровича, Никита съ Марьей собирались съ утра въ городъ за овсомъ для посѣва. Когда Николай Петровичъ пріѣзжалъ съ „распятіемъ“ Марья не знала куда усадить и чѣмъ угостить; но Анна Петровна ничего не ѣла и не пила.

„Даже не окрупинились“, обидѣлась Марья, поди думать: приду и объѣмъ?

Нынѣ Марья встала рано: вымыла избу и сѣни; но корова зашла и нагрязнила. Марья долго и по душѣ разговаривала съ коровой: „поди, матушка, поди, сказала Марья, Христосъ съ тобой, жемчужинка, соломки то нѣтутки вотъ и бредетъ Христовенькая. Обтощала родная, скоро зелень Богъ дастъ. Прибили нонь васъ? Земскіе то свистуны сулили овесъ и сѣно. Самъ губернаторъ хлопоталъ о васъ родименькія!.. На парахъ все ѣздили... Профуркались: у-у бородатые жеребцы!..

„Вагоны застряли; сказали Никитѣ у станціи Шалья...

Никита почесалъ за ухомъ и завернулъ къ свояку. Марья отерла башмаки мѣшкомъ и боязливо замигала. На крыльцѣ Никита долго оправлялся. Потомъ снялъ шапку и, помочивъ слюной ладонь, пригладилъ волосы.

Анна Петровна, замѣтивъ гостей, недовольно покоси-

лась: „грязь только носятъ“. Кожа на лицѣ вытянулась, а губа вздулась.

Никита поздоровался и, придвинувъ стулъ къ двери, усѣлся на край.

Ну какъ вы тамъ,—поинтересовался Николай Петровичъ, своячекъ родной. Намедни Гришкѣ намекалъ онъ вскользь, что говорятъ прихожане о пожертвованіи, но тотъ боронилъ свое.... И теперь ему хотѣлось! „Да ты присаживайся покрѣпче“.

Анна Петровна, оправившись отъ перваго впечатлѣнія показала мѣховыя вещи... Браслетку приторговываемъ,—добавила она,—сто двадцать надавали...

— А какъ на счетъ...—спросилъ Николай Петровичъ.

— На счетъ сѣмянъ,—живо перебилъ Никита,—грѣхъ одинъ: поля обсохли, а земскіе—помѣщики Можайскіе-Андреевы.

— Что?

— Посвистываютъ... готъ одни вагоны на станціи Шалья, другіе—у Шалакушекъ...

— Ну—а какъ относительно...

— Ржаной,—живо подхватилъ Никита, бьяда: кусается, девять рублевъ за $4^1/_2$ пудовки. Сѣно тридцать рублевъ волочуга...По нашимъ заработкамъ: за рублевку кружовница щелкаетъ коклюшками двѣ недѣли...

Николай Петровичъ недовольно перевалился на другую половинку стула, поерзалъ, приподнялся и осѣлъ на прежнее мѣсто.

— Доволенъ-ли батюшка-то?

— Затрудняемся мы... Николай Петровичъ.

— Доволенъ,—вмѣшалась Марья,—только попадья поварчиваетъ: готъ по Кокшеньгѣ каждая душа къ празднику по караваю попу; испекъ одинъ на десять фунтовъ другой норовитъ отличиться: „а я чѣмъ его хуже? и закатитъ на полпуда... Вотъ матушка-то и досадуетъ все: тутъ готъ не шиша хошь ракомъ свисти... самая окаянная мѣстность...

— Грѣшные мы, Коля,—вздохнула Анна Петровна, сводни въ Прилуцкой пустыни большое повечеріе, а мы тутотки тырь-тыръ... пять верстъ вѣдь, опять опоздаемъ...

Хорошо бы къ повечерію,—заговорилъ Николай Петровичъ, замѣчательный старецъ Руфъ—со львами жилъ...

Никита взялъ чебасъ: къ намъ милости просимъ...

Анна Петровна закрыла дверь. На лицѣ ея образовались трещинки, какъ старая осыпавшаяся позолота на иконостасѣ, изъ подъ которой вспыхнула злобная опухоль—истинная грунтовка природы.

На солнцѣ просыхаетъ треска... Вначалѣ появляются черви, но потомъ... засыхаютъ. Николай Петровичъ засушилъ всѣ похотливыя вожделѣнья; старательно отгонялъ блудные помыслы, и зачерствѣлъ въ эгоизмѣ.

Но подъ тѣми же лучами зеленѣетъ травка. Въ квартиркѣ его занималъ комнатку писатель Бардадымовъ. Онъ пережилъ всѣ невзгоды, сдѣлался очень сострадателенъ ко всякому горю. Бардадымовъ шутилъ и смѣялся, а Николай Петровичъ морщился и вздыхалъ, призывая на помощь Божью милость. Въ девятомъ часу вечера онъ ложился спать. Однажды передъ „отходомъ ко сну" Бардадымовъ встрѣтился съ Анной Петровной, которая шла изъ кухни въ свою спальню съ топоромъ...

— Анна Петровна!—воскликнулъ Бардадымовъ.

На щекахъ Анны Петровны закруглились ямочки; но тотчасъ же она напялила маску благочестія. Супруги еще долго возились послѣ вечерней молитвы, передвигая ящики въ настоящія „баррикады"; потомъ раздался стукъ топорища о полъ и все смолкло.

Изрѣдка, какъ шорохъ мышей вылетали звуки: Николай Петровичъ купилъ домъ съ бѣлымъ каменнымъ флигелемъ по Н-ховской улицѣ. Въ флигелѣ жила бѣдная прачка; она платила по 9 р. въ мѣсяцъ. Съ переходомъ дома въ собственность Николая Петровича ему хотѣлось выгнать прачку и взять за флигель дороже. Супруги тревожно шептались о необходимости изгнанія прачки.

На праздникъ „Всемилостиваго Спаса" Николай Петровичъ собрался за покупками: его потянуло на мірскую тему. „На площади, сказалъ онъ, противъ Спаса, вертепъ „Якорь". Съ другой стороны „Пассажъ и Эрмитажъ—убѣжища растлѣнной жизни. Подъ пассажемъ—винная и колоніальная Василья Дмитрича.

— Коля,—вмѣшалась Анна Петровна,—поди надъ этимъ ужъ трещали головушки Вовкова-Овечкина. Не чета нашимъ! Ты не забудь въ „Женеву" и къ Дмитричу.

— У—женщины,—проворчалъ Николай Петровичъ,—завсегда винтики слабже. Мягкая комплекція!

Въ магазинѣ Василья Дмитрича никого не было; самъ хозяинъ слетѣлъ въ подвалъ, куда упали два яблока, а онъ поспѣшилъ раньше ихъ и получилъ ссадину пятки. Отъ сотрясенія дверью разсыпались дощечки и гвоздики. Василій Дмитричъ дрогнулъ; на лбу его надулись синеватыя жилки, а на лысинкѣ вспыхнула розовая окраска. Вообще при паденіи цѣнности Василій Дмитричъ не могъ оставаться покойнымъ.

— Народъ у меня отпѣтый,—пожаловался Василій Дмитричъ—намедни за ящиками нашелъ горлышки съ золотой маркой.

— Куда вамъ, улыбнулся Николай Петровичъ, имѣете бани, Пассажъ, торговлю...

Мимо мануфактуры Свѣшникова прокряхтѣлъ Иванъ Иванычъ, выпятивъ грудь горбомъ, на который опускалась рыжая борода, облѣзшая все лицо до глазъ, которые свирѣпо глядѣли изъ подъ войлочной опушки бровей. Къ магазину спѣшно подкатила пролетка; лошадь круто повернулась и предъ носомъ Иванъ Иваныча шлепнулась на мостовую мясистая туша баньщика Веденѣева.

Василій Дмитричъ потеръ ладонь о ладонь и пріятно заколыхался... Иванъ Иванычъ, улыбнулся онъ, имѣетъ лѣсопилки, пароходы и тутъ чуть весна голосокъ его слышно... даже стаи гусей сворачиваютъ...

Передъ Иванъ Иванычемъ почтительно вытянулся Свѣшниковъ и просіялъ, что разъ въ жизни было съ нимъ, когда кредиторы взяли гривенникъ за рубль. Мануфактуристъ Михайловъ склонилъ голову на бочокъ, правая рука остановилась на высотѣ груди, а лѣвая забарабанила о ключицу. Бересневъ сталъ на отвѣсъ, откинувъ правую ляжку, какъ нетель, которая вышла изъ хлѣва и обрадовалась на міръ Божій; за Михайловымъ стояли—Стрижевъ и Дьячковъ, которые вкусно зачавкали, будто Иванъ Иванычъ сообщилъ имъ, что для такой компаніи уже не осталось подходящаго мѣста въ аду.

— Какое претпоштеніе,—самодовольно крякнулъ Иванъ Иванычъ и поспѣшилъ къ „Женевѣ“ еврея Пинусъ, гдѣ онъ приторговывалъ грамофонъ и уже надавалъ полтораста.

Передъ самой „Женевой“ черная тѣнь мелькнула поперекъ дороги Иванъ Иваныча.

Изъ „контроля“ Вологда-Няндомской дороги выкатилась круглая и подвижная тужурка подрядчика-еврея Раскина, который забралъ всѣ поставки и, какъ грязное сало къ паклѣ льнулъ даже къ самой недоступной служебной инстанціи.

— Иванъ Иванычъ, произнесъ Раскинъ,—застрахуйте вашу драгоцѣнную...

— Подь-ты,—буркнулъ Иванъ Иванычъ и прошипѣлъ на гортанной гармоніи...

Въ „Женевѣ“ скрипѣлъ грамофонъ, что пила проволоку. Иванъ Иванычъ поморщился, а когда грамофонъ оправился и запѣлъ „Пупсикъ“, туша его отвалилась на спинку стула.

— Сто пятьдесятъ два,—воскликнулъ Иванъ Иванычъ

Пинусъ пробѣжалъ за витринами и протянулъ Иванъ Иванычу руку: „хотите, послѣднее слово: сто шестьдесятъ"?

У витрины съ бриліантами сидѣла Роза Пинусъ съ матерой шеей, какъ полное вымя съ рѣдкими шерстками. Роза недовольно поморщилась: „шоломорѣзку купить, проворчала она, пушкай идетъ.

— Не подходяче, Геля,—не вытерпѣла Роза.

Николай Петровичъ замѣшкался съ покупками. Въ Женеву онъ попалъ, когда грамофонъ выводилъ: „Пуп-сикъ, мой милый"...

— Скажите ваше послѣднее слово,—обратилась къ нему Роза,—продадимъ съ удовольствіемъ...

— Больше ей Богу не могу,—протянулъ Николай Петровичъ.

Еврейка отвернулась и громко зачастила: „вше Васька Берлинскій хулиганъ, пешъ паршивый! Только пекаря да, шапожники Архарцы грѣютъ карманы".

Осенній вѣтеръ яростно срывалъ остатки пожелтѣвшей листвы; оголенныя деревья махали вѣтвями. На фонѣ этой омертвѣвшей картины бѣлые стволы березы казались ожили и понеслись по теченію вѣтра.

Иванъ Иванычъ полулежалъ на широкомъ турецкомъ диванѣ. Надъ головой его висѣлъ большой портретъ Ивана Кронштадтскаго, въ блестящей рясѣ, а изъ золоченой рамы покорно-благочестиво насупилъ брови на него самъ Иванъ Иванычъ.

Когда Николай Петровичъ сказалъ, что незасѣянныя поля не дали урожая и показалъ „подписной листъ", Иванъ Иванычъ спѣшно ухватился за лѣвый бокъ: „Ой, крякнулъ онъ, вотъ тутъ кость на кость наскочила и сверлитъ"...

— Все ворчатъ, что Иванъ Иванычъ имѣетъ заводы. Эт-то пажалъ-что паочище лѣсопилки Никуличева!..

Зарѣзъ, братъ—перевелъ Иванъ Иванычъ,—не при деньгахъ. Доска не пошла, а жиддоморія стрѣляетъ. Раскину гниль-дрова стоятъ 13 руб., а сбываетъ на сѣверную чугунку 28 руб. на стройкѣ поденьщина семьгривенъ, а по смѣтѣ полтора. Институтъ коровій захватилъ и ѣздитъ безплатно по чугункѣ. Намъ на дрова такцею назначили тринадцать, рублевъ куб. саж., а раскинъ по 28... Законъ не писанъ какъ для кожевни какой. До войны кожа была по 27 руб. пудъ; а теперь Бурловы-Шепелины дуютъ по 70 руб. Вотъ-те и такцея!..

— Ой, смерть пришла,—ухватился Иванъ Иванычъ за правый бокъ,—честная мать пощади!.. Вотъ повыше эфтово сустава и застряла сукина дочь...

— Вотъ-те и „Пупсикъ"... Ой, грѣхи тяжкіе! Двинула ме-

ня не легкая подъ самый праздникъ Христовъ, да еще понесла съ испариной... Не куплю этой саломорѣзки; лучше прибавлю да на монастырь тряхну...

Иванъ Иванычъ согнулся кренделемъ. Неизвѣстно, сколько онъ пролежалъ въ такомъ состояніи, но вдругъ что-то теплое пахнуло на него.

Иванъ Иванычъ сердито повернулся на диванѣ такъ что кожаная обшивка захрустѣла: „да это Раскинъ! воскликнулъ Иванъ Иванычъ, вонъ мошенн...

— Пхе,—улыбнулся Раскинъ,—а шче-зю ви при своихъ, а мы при своихъ: отъ слова бородавка не сѣла. Хотите послѣднее слово: десять радужн...

Пружинка дивана трагически осѣла, а потомъ выпятилась горбомъ. Иванъ Иванычъ повертѣлся и съѣхалъ на полъ...

* * *

Еще только багровѣлъ разсвѣтъ. Надъ крышами „Якоря" и Эрмитажа безпомощно клубились густые клочья облаковъ—остатки минувшей ночи.

У церкви „Спаса Всемилостиваго" темнѣли дѣтскія фигуры, при входѣ въ храмъ пестрѣла шеренга лохмотья. Впереди стоялъ старикъ съ сѣдиной въ бородѣ; за нимъ горбились старухи.

Мимо «Якоря» прошелъ степенный адвокатъ Сигорскій, очень ловкій и уважаемый много... Кожевенникъ Александръ Бурловъ пострадалъ тоже не мало: бѣды на него валились одна за другой... Сгорѣлъ заводъ; но такъ что дай Богъ каждому... Былъ у Бурлова конкурентъ Ш. Бурловъ вожделѣлъ провалить Ш. и бросить въ тюрьму. Это и понятно: послѣ провала Ш. Бурловъ сталъ-бы полнымъ хозяиномъ... Что и случилось: Бурловъ-Шепелинъ подняли цѣну на кожу вдвое, а Сагорскій взялъ подъ защиту Бурлова.

Старикъ у „Спаса" обнажилъ клыки: „одинъ разуваетъ, другой помогаетъ...

— Чище,—буркнула старуха.

— Митревна,—вздрогнулъ старикъ,—ты права: кулакъ хошь рискуетъ рублемъ, а этотъ...

Свѣтильникъ правосудія!..

У желѣзной рѣшетки храма сиротливо ежился мальчикъ лѣтъ восьми. Сонное личико судорожно морщила зѣвота. Не умытое, не приласканное заботами матери дѣтище улицы съ желвакомъ на щекѣ покосившемъ не проспавшееся лицо, а на ногѣ мальчика крутился длинный сапогъ

изъ коего проглядывало грязное тряпье. Проклятый инстинктъ подогрѣвалъ въ немъ пытливость и отвагу на подвиги злодѣйства. Лѣтъ черезъ десятокъ его закуютъ въ желѣза по всѣмъ пунктамъ.

— Хулиганъ! твое имя несчастный побѣгъ случайной игры жизни...

Шеренга старухъ, нанизанная на той же безсмысленной стрункѣ, злобно натянулась.

— Осаживай,—прошипѣла старуха, толкая сосѣдку.

— Ишь енаральша,—огрызнулась та.

— А вотъ енаральша: мой подъ Ляономъ, три Егорья.

— Шишка! а мой подъ Еремышлемъ...

— Артуръ бралъ, да на сопкѣ чай-куй пропалъ, сердяга...

Мягко разлился благовѣстъ, разгоняя тяжкія навожденія набожнаго просонья.

Когда на площади обрисовалась черная ряса протоіерея лохмотья сгорбились.

— Въ Думѣ ораторемъ былъ,—улыбнулся старикъ,—за одно слово двадцать тышецъ взялъ.

— Какое слово,—подхватила старуха.

— Другое слово,—перебилъ старикъ,—что медъ...

Къ церкви плыла нарядная волна. Телята въ мясныхъ жалостно замычали. Ночью они лежали покойно въ темныхъ мясныхъ, но съ пробужденіемъ жизни тревожно завыли. Мясникъ Занинъ съ усами, что два ежика, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ Спасу, но задумался: мясные уже торговали, не хотѣлось упустить и тутъ и тамъ... И тутъ и тамъ толкали чувства, вытекавшія изъ родственныхъ побужденій. Купецъ Прибытковъ, узнавъ о повышеніи такціи на Красномъ мосту, совершенно растерялся...

Къ „Спасу" подъѣзжали колесницы. Когда на подножку вскочила нога Веденѣева, пролетка опрокинулась. Нога лѣниво переступила на каменную плиту и пролетка грохнулась на свое мѣсто. За нимъ торопливо прыгнулъ Бурловъ кожевенникъ съ кровяными отеками не ожившаго полусна. Иванъ Иванычъ бодро встряхнулъ остатки ночной лѣни. Въ дверяхъ храма бокъ-о-бокъ съ нимъ столкнулся Василій Дмитричъ, огрызнувшійся на нищихъ: „шли-бы работать, да-съ"!

— Поглядите, Иванъ Иванычъ,—произнесъ Василій Дмитричъ,—такіе битюги и какъ не стыдно?

— Въ Западной Европѣ этого нѣтъ,—крякнулъ Иванъ Иванычъ.

— А вы повадку не давайте, вмѣшался кузнецъ Девятковъ, не суйте пятачки и не придутъ.

— Не то,—отрицательно кивнулъ „судостроитель" Мака-

ровъ,—на Лондонской конференціи уже дебатировался вопросъ...

Иванъ Иванычъ сдѣлалъ воинственный жестъ: „по моему прямо на театръ“...

Въ храмѣ было тепло; расплывшіяся лица надулись и потрескались. У праваго клироса стояла мануфактура, за ней городская посредственность. Впереди—кожевенная линія—Бурловъ-Шепелинъ. Когда они обдѣлывали чужія шкурки, то жировые отеки тряслись; но теперь страхъ за свои шкурки вытянулъ лица; глаза остановились. Съ другой стороны на первомъ мѣстѣ отдувался Иванъ Иванычъ, а сбоку отъ него Василій Дмитричъ на отдѣльныхъ коврикахъ. Сзади стоялъ Николай Петровичъ. Уже передъ пріѣздомъ владыки вошелъ самъ глав-краса города. Сторожъ торопливо разостлалъ цвѣтной коверъ и незамѣтно дернулъ за рукавъ Николая Петровича, показавъ на свободное мѣсто сбоку Василья Дмитрича.

Глаза Николая Петровича закатились. Раньше онъ всю службу кланялся безъ передышки, но теперь онъ, словно купилъ у Раскина индульгенцію... Николай Петровичъ даже не замѣтилъ, какъ изъ за воротника сюртука вылѣзла пряжка. Голова его поднялась и глаза блуждали по сторонамъ.

Хоръ пропѣлъ „многая“. Молящіяся затолпились. Иванъ Иванычъ сверкнулъ глазами на сторожа, который подскочилъ, какъ перышко къ магниту. И почтительно принялъ трехрублевку. Рука Василья Дмитрича опустилась въ карманъ, гдѣ топырилась пробка съ золотой маркой. Онъ поспѣшно сунулъ руку въ другой карманъ, откуда извлекъ пять двугривенныхъ, изъ коихъ два съ дырочками. Василій Дмитричъ уже посылалъ ихъ въ казначейство для обмѣна; но не приняли. Нынѣ онъ думалъ сплавить дырявую валюту и отложилъ на лѣвую ладонь, а потомъ произошло въ головѣ его «трясеніе» и, смѣшавъ дырявую валюту съ цѣльной, Василій Дмитричъ вручилъ сторожу. «Ладно, подумалъ онъ, для своего-же спасенія»...

Рука Николая Петровича поднялась ко лбу; но духъ сребролюбія отвелъ её къ загривку. На скоро оправивъ галстукъ, Николай Петровичъ вручилъ рублевку.

— Загрызетъ меня,—оглянулся онъ на домскій цвѣтникъ, колыхавшійся въ общей массѣ, точно майскій вѣтерокъ обдалъ благоухавшую умиленіемъ нѣжную половину человѣчества.

— Господи,—вздохнулъ Николай Петровичъ, — спаси благочестивыя и напой. Вотъ налетѣлъ-то... Какъ въ заводь втянуло...

На площади, среди недужной рвани, катилась на ко-

роткихъ ножкахъ мясистая туша баньщика, въ объемѣ аршина два съ половиною. За нимъ плыла самая разнообразная пестрядь, изъ которой выдѣлялась цвѣтами и крыльями на шляпкѣ Марья Ивановна Бѣленькая.

На тротуарѣ у «Якоря» толпились рабочіе, среди нихъ бодро выступала коренастая тужурка кузнеца Гришки.

Пролетки шумно неслись къ подъѣзду храма, откуда выходила городская имущественная аристократія.

— Не узнаю!—воскликнулъ Николай Петровичъ,—Марья Ивановна, вы-ли это? Какъ вы помолодѣли!?

Марья Ивановна легко сдѣлала реверансъ и привѣтливо улыбнулась, будто Николай Петровичъ на самомъ дѣлѣ свалилъ съ ея плечъ тридцать лѣтъ и три года.

— Вчера,—заговорилъ Николай Петровичъ,—былъ у Ивана Иваныча съ подписнымъ о помощи вдовѣ. Ухватился за лѣвый и правый...

— Немножко помогу...—отозвалась Марья Ивановна.

Изъ темной массы облаковъ прорѣзался блестящій серпъ. Гришка весело махнулъ рукой:—Не даромъ солнце потратило лучи животворящей силы!—фыркнулъ онъ и мягко разлился добродушный смѣшокъ, какъ масло, вытравляющее роковыя пятна общественныхъ суевѣрій.

Замѣтивъ Гришку, Николай Петровичъ подскочилъ: «знаешь, скажи Купріянихѣ-то, что ей будетъ».

— Спасибо, дяденька, поблагодарилъ Гришка.

— Ко мнѣ,—кивнулъ Николай Петровичъ,—чайку.

— Ни-ни,—замахалъ руками Гришка, я, братъ, счасъ Духовскій квасокъ. Знаешь послѣ спойки иль подковки? Другой «битюгъ» наляжетъ на плечо, а позвоночникъ здается... Хватишь послѣ спарки вотъ разольется въ поджилкахъ—бальзамъ. Только мятое тѣло и можетъ понять.

Быстровъ пытъ такъ вотъ поздоровѣлъ: карету на пол-аршина прибавили; въ старый Неѣловскій особнякъ и не влѣзаетъ прямо, а бочкомъ...

Мобилизація матеріальныхъ рессурсовъ Россіи.

Отъ нормальнаго удовлетворенія жизненныхъ потребностей зависитъ и подъемъ духа—первое условіе къ побѣдѣ.

Матеріальные рессурсы Россіи неистощимы; но благодаря инородческимъ вліяніямъ, одушевленнымъ исключительно ненасытной жаждой наживы, въ торгово-промышленной области, гдѣ господствуютъ эти вліянія, произошелъ кризисъ, гибельно отражающійся на всѣ народно-государственныя отправленія жизни.

Все возрастающая дороговизна на продукты первой жизненной важности при обиліи этихъ продуктовъ питанія—яркое свидѣтельство наличности злостной спекуляціи, сильно ослабляющей подъемъ народнаго одушевленія, зарождая искры внутренней вражды—вѣрной спутницы возмущеній, неудачъ и потрясеній.

Современное положеніе представляетъ интересную картину, которую можно охарактеризовать атрофіей артерій, окрылившихъ своекорыстныя вожделѣнія необузданной наживы.

Дошло до того, что, напр., въ центрѣ лѣсныхъ богатствъ цѣны на дрова взлетѣли до 40—45 р. за куб. саж.!

Это въ мѣстностяхъ, стоящихъ въ истокѣ громадныхъ водныхъ артерій.

Въ Вологдѣ эксплоататорами лѣсныхъ богатствъ явились евреи: Раскинъ, Пинусъ, Риклинъ и К°. Это морально обрѣзанное племя неслыханнымъ вздуваніемъ поднимаетъ бурю негодованія не столько по адресу грабителей... но и стихій, призванныхъ обуздывать всякое проявленіе злостныхъ выраженій.

Въ Красноярскѣ цѣны на ржаную муку стояли 40—50 к. пудъ, пшеничной—80 к., а въ Котласѣ ржаная мука продавалась 1 р. 50 к. пудъ.

Пермская соль, стоющая при обычной доставкѣ въ Котласѣ 26 коп. пудъ, у насъ—32 к.

Нынѣ, благодаря вздутымъ фрахтамъ Сѣвернаго пароходнаго общества Линдесъ и К°, этими выродками нѣмецкой слободы,—соль обходится около 80 к.; а продается 1 р. 60 к., т. е. дороже въ четыре раза нормальной ея стоимости...

Изъ Сибири вывезли за границу масло около 5 мил. пуд. Въ Красноярскѣ масло покупали экспортеры евреи и датчане по 14—16 р. пудъ. Сливочное—20 р. Доставка Красноярскъ—Котласъ—1 р. Котласъ—N-скъ—50 к. N-скъ—Данія 1 р. 50 к. значитъ сибирское сливочное масло въ Данію обойдется 23 р. пуд.; обыкновенное—17—19 р. Въ Берлинѣ сибирское масло не дороже 30—35 р. А въ Петроградѣ сливочное масло продается 48 р. пудъ! Простое русское масло—30—32 р.!

Что съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ объ участіи злостной работы темныхъ силъ, стремящихся нагрѣть карманы на временной заминкѣ, создавшейся вслѣдствіе усиленныхъ движеній.

Вологда—центръ маслодѣлія. Здѣсь основанъ молочный институтъ, который строилъ еврей Раскинъ... Масло въ Вологдѣ продается по небывало высокой цѣнѣ: сливочное 40 р. пудъ, простое 28 руб., а въ глуши Яренской, Устьсысольской 17 р. пудъ...

Такая разница явилась прямымъ слѣдствіемъ искусственно вздутаго воднаго фрахта.

Сѣверное пароходное общество Линдесъ и К°, вмѣсто валовой выручки въ 1914 г. около 2 мил. руб.—въ 1915 г. выручило 6—7 мил. руб.

Расходы общества увеличились въ сравненіи съ 1914 г. максимумъ на 200 тыс. руб., а выручка превысила 4—5 мил. руб.

Въ концѣ навигаціи общество брало въ 10—15 разъ дороже обычной платы!

Такіе „взвинчиватели", какъ Линдесъ и К° выступаютъ дѣятельными сотрудниками темныхъ вліяній, оставляя въ обираемой массѣ народной зачатки ненависти.

Необъятная Сибирь и сѣверъ Европейской Россіи представляютъ колоссальныя житницы зерна, громадные запасы масла, скота и всякихъ продуктовъ питанія; но житницы отрѣзаны отъ жизненныхъ центровъ потребленія.

Особенно страннымъ представляется „дровяной" голодъ въ Петроградѣ, соединенномъ съ Олонецкой, Новгородской и Вологодской губ. дешевыми водными сообщеніями. Помянутыя губерніи преизобилуютъ лѣсами; но заготовка и доставка въ рукахъ частныхъ предпринимателей, преслѣдующихъ исключительно цѣли обогащенія.

По самымъ скромнымъ подсчетамъ въ четырехъ уѣздахъ Вологодской губ.—Тотемскомъ, Великоустюгскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ ежегодно сжигается на выжиганіе „подсѣкъ“ до 500 тыс. куб. саж. древесины.

По нынѣшней оцѣнкѣ эта первобытная система пожираетъ древесины на 25 мил. руб.; тогда какъ весь урожай льна, не превышающій въ лучшіе годы милліонъ пуд. стоимостью на 7—8 мил. руб. не окупаетъ затраты и въ одной третьей части только на удобреніе почвы древесиной...

Край этотъ связанъ съ Петроградомъ воднымъ путемъ. Заготовка и доставка кубической сажени обойдутся не выше 20 руб.

Между тѣмъ въ настоящее время цѣны на дрова въ Петроградѣ взлетѣли до 60 р. куб. саж.

Позаботиться не мѣшаетъ и по возможности скорѣе, дабы не упустить лучшую пору заготовки.

Въ противномъ случаѣ „дровяной голодъ“ въ Петроградѣ на слѣдующій годъ можетъ значительно обостриться.

Чрезвычайные расходы государства, вызванные войной, обусловливаютъ необходимость изысканія новыхъ источниковъ дохода, изъ коихъ на первомъ планѣ должны быть лѣсныя богатства, дающія въ настоящее время казнѣ ничтожные доходы сравнительно съ колоссальной цѣнностью лѣсныхъ площадей Россіи, являющейся самымъ крупнымъ владѣльцемъ этихъ богатствъ на всемъ земномъ шарѣ.

Цѣны на лѣсные матеріалы на рынкахъ Западной Европы послѣ объявленія войны взлетѣли съ 8 фунт. стерл. за стандартъ до 16—18 ф. ст.! И нѣтъ основаній ожидать пониженій цѣнъ по окончаніи войны.

При разумной эксплоатаціи лѣсныхъ богатствъ средствами государства съ безусловнымъ устраненіемъ частной жидонѣмецкой предпріимчивости, богатства эти могутъ дать нѣсколько сотъ милліоновъ ежегоднаго дохода.

Насколько соблазнительно-выгодной представляется лѣсная торговля, иллюстрируетъ слѣдующій фактъ.

Вологодскія лѣсныя фирмы отправили на 3 милл. лѣсныхъ матеріаловъ за границу черезъ Петроградъ. Начало кампаніи было неудачно: вслѣдствіе объявленія Германіей войны и закрытія Балтійскаго экспорта лѣсъ застрялъ въ Кронштадтѣ...

Казалось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ—убытки.

Въ Кронштадтѣ лѣсъ прозимовалъ.

Въ это время спросъ на древесину за границей усилился. Англичане сами наѣхали для покупки лѣса, чего ранѣе не бывало.

Вологодскія фирмы продали лѣсъ, застрявшій въ Кронштадтѣ съ крупнымъ дивидендомъ свыше 50%.

Необходимо сказать, что такъ проданы лѣсные матеріалы, перевезенные изъ Вологды въ Кронштадтъ и обратно черезъ Вологду за границу...

Безспорное доказательство, какъ нуждается Западная Европа въ лѣсныхъ матеріалахъ.

Но, съ другой стороны, въ обширнѣйшемъ лѣсномъ хозяйствѣ Россіи царитъ первобытная идиллія: лѣтомъ 1914 г. лѣсные пожары только въ Вологодскихъ и Сѣверныхъ дебряхъ повредили древесины около 200.000 десят., а въ 1915 г. вспыхнула на тысячи квадратныхъ верстъ сибирская «тайга», затопивъ дымомъ и копотью грандіозную лѣсную площадь: Пермской, Вятской, Костромской, Вологодской, Архангельской губ. Волна дыма, хлынувшая изъ-за Урала, катилась безпрерывно двѣ недѣли.

Это крупнѣйшее несчастье жизни осталось почти не отмѣченнымъ въ виду напряженнаго вниманія общества, слѣдящаго за ходомъ борьбы народовъ.

Оно скажется въ скоромъ времени; но лѣсному вѣдомству настоятельно нужно подумать о болѣе цѣлесообразной утилизаціи этой колоссальной массы древесины, въ первый годъ послѣ пожара идущей какъ здоровый лѣсъ.

Много выслано нѣмцевъ плѣнныхъ, гоняющихъ „лодыря“. Почему-бы, на самомъ дѣлѣ, не использовать эту силу?

Необходимо безотлагательно приступить къ заготовкѣ обгорѣлаго лѣса, что дастъ казнѣ крупные милліоны.

Далѣе съ цѣлью устранить такія явленія, какъ отмѣченный выше экспортъ масла, которое обходится въ Данію 23 р., а отсюда въ Берлинъ рука подать...

А въ Петроградѣ то же сибирское масло продается 48 р.!

Изъ Сибири въ Данію (читай Берлинъ) этой благодати вывезено въ навигацію 1915 г. около 5 м. пуд. на 80 м. руб.

Если-бы экспортъ масла взяла казна, то получила-бы золота свыше 100 м. р., а сколько дали-бы золота экспортъ лѣса, пшеницы?

Но пока это золото течетъ въ жидо-нѣмецкіе карманы.

Такое положеніе обусловливаетъ необходимость коренныхъ измѣненій въ сбытѣ главныхъ произведеній сельскаго хозяйства Россіи.

Экспортная фирма жида Дрейфусъ, опутавъ сѣтью изворотливо агентуры дѣвственную Сибирь, снимаетъ сливки.

На экспортѣ сибирской пшеницы Дрейфусъ нажилъ милліоны.

Но и послѣ закрытія навигаціи юркій жидъ не дремлетъ.

Отмѣченная выше разница на муку въ Сибири и сто-

лицѣ, вызванная затрудненіями въ доставкѣ, даетъ ловкимъ проходимцамъ возможности къ открытію лазеекъ.

Напримѣръ, въ началѣ 1915 г. фирма доставила въ Петроградъ и Москву до 1.000 вагоновъ муки и овса, причемъ овесъ, купленный въ Красноярскѣ 70 к. пудъ, а съ доставкой въ Москву обходящійся около 1 р. 20 к. пудъ. Но въ Москвѣ овесъ продавался въ апрѣлѣ 1915 г. отъ 3 до 4 руб. пудъ. Значитъ, жиды наживали чистоганомъ до 2 руб. на пудъ, или на вагонъ до 2.000 р.!

Это лакомѣе и маслянаго экспорта...

Но русскіе купцы тщетно просили о предоставленіи вагоновъ и ждали...

А ловкачи работали. Такъ нѣкій Фирсовъ-Дементьевъ въ Котласѣ получилъ до 300 вагоновъ, заработавъ по 500 р. на вагонъ.

Этотъ Фирсовъ добивался приговоровъ сельскихъ обществъ о необходимости доставки хлѣба подъ угрозой голода, но вагоны бѣжали не въ деревню, а въ Петроградъ и Москву...

Въ то же время ждали земства и городскія управленія ждали купцы...

Цѣны все пухли. Дрейфусы набивали карманы на создавшейся заминкѣ...

Нужно очистить почву. Надо устранить вопіющее посредничество.

Нѣмецкое засилье.

Мелкіе хлѣбные торговцы въ Петроградѣ жалуются, что на Калашниковской биржѣ нельзя купить фунта муки безъ посредства еврея... Причемъ покупатель, не зная товара, вручаетъ еврею разницу между биржевой цѣной и цѣной, назначенной евреемъ... По полученіи муки торговецъ уплачиваетъ биржевую стоимость...

Это и не мудрено при благосклонномъ покровительствѣ, коимъ пользуется нѣмецко-еврейскій капиталъ нынѣ, пожинающій обильные плоды, взросшіе на почвѣ русскаго безразличія.

Еврейско-нѣмецкій капиталъ очень быстро внѣдряется въ русскую стихію, занимая преимущественное положеніе.

И сколько ни потрясаютъ мечами русскіе громовержцы, дѣйствительность даетъ новые и новые плоды...

Колоссальныя погрузки очутились, какъ это ни странно, въ рукахъ нѣмца Мартенса и евреевъ Данишевскихъ.

Для усиленія средствъ перевозки явилось на свѣтъ общество „Енисей". Организаторомъ дѣла выступилъ извѣстный общественный дѣятель и создатель крупнаго транспортнаго дѣла на Волгѣ Д. В. Сироткинъ.

Въ два-три мѣсяца, въ незнакомыхъ условіяхъ Д. В. Сироткинъ съ незначительной ссудой 250 т. р., взятой изъ казны на три года изъ 6 проц., выстраиваетъ 12 крупныхъ баржей съ обязательствомъ перевести грузовъ въ навигацію 1915 г. не менѣе 562 т. пуд. на каждую баржу.

Независимо созданія флотиліи, Д. В. Сироткинъ предлагаетъ принять на себя погрузку и разгрузку съ непремѣннымъ условіемъ грузить не менѣе 35.000 пуд. въ сутки на одну баржу.

На Волгѣ грузятъ отъ 60 до 80 тыс. пуд. въ сутки на одну баржу.

Предложенiе русскаго дѣятеля Д. В. Сироткина не принято; погрузка и разгрузка сданы нѣмцу Мартенсу и евреямъ Данишевскимъ и Хороль.

Тому же Мартенсу сданы въ арендное пользованiе пароходы, приносящiе арендатору болѣе жирные барыши.

Вмѣсто 35.000 пуд. въ сутки на каждую баржу, Мартенсъ грузитъ 10—12 тыс. пуд.

Баржи Д. В. Сироткина стоятъ по 8—9 дней.

Стоятъ въ ожиданiи и пароходы Д. В. Сироткина.

Послѣднiй осаждаетъ депешами объ ускоренiи разгрузки и погрузки.

Разгорается сильная перестрѣлка, въ которой Д. В. Сироткинъ оказывается съ негодными средствами...

„Почтительнѣйше прошу, телеграфируетъ Д. В., не найдете-ли возможнымъ обратить вниманiе на медленную нагрузку въ Котласѣ нашей баржи: тридцать тысячъ пудовъ выгружали почти трое сутокъ, а также на медленную погрузку. Если погрузка и разгрузка будутъ такъ производиться, то перевеземъ очень мало. На Волгѣ большiе пароходы грузятъ и выгружаютъ по 60 тыс. пуд. въ сутки, что свободно сдѣлать помощью паровыхъ лебедокъ".

Д. В. Сироткинъ вторично телеграфируетъ: «Грузка нашей баржи третьяго дня совершенно не производилась. Вчера погружено 12 тыс., а по договору слѣдовало 25 т. пуд. Ждутъ два парохода. Задержка выгрузки серьезно тормозитъ важное дѣло перевозки и грозитъ убытками».

Въ слѣдующихъ телеграммахъ Д. В. Сироткинъ безплодно повторяетъ тѣ же мольбы объ ускоренiи погрузки; что баржи задерживаются по 8—9 сутокъ, ждутъ пароходы, что грозитъ убытками и тормозитъ громадной важности движенiе грузовъ государственной необходимости, и т. д.

Небо услышало мольбы. Д. В. Сироткинъ получаетъ телеграмму объ ускоренiи перевозки...

«Не отрицая нѣкоторыхъ недочетовъ организацiи погрузкой, говорилось въ телеграммѣ, не могу согласиться вашими доводами. Прошу распорядиться о дѣятельной перевозкѣ угля всѣми баржами. Очень прошу вашихъ грузчиковъ сто человѣкъ.

Максимовичъ.

Далѣе слѣдуетъ „нагоняй":

...Напрасно общество „Енисей" взялось за дѣло, которое не могло выполнить и т. д.

Угрюмовъ.

А вотъ, нѣмецъ Мартенсъ и Шмидтъ, выведшій послѣ объявленія войны нѣмецкіе пароходы—выполнили...

Еврей Данишевскій, уличенный въ предательствѣ—тоже выполнилъ въ предѣлѣ земномъ...

Д. В. Сироткинъ перевезъ, не взирая на тренія и задержки баржей по 8—9 дней и пароходовъ—около 8 мил. пуд. грузовъ.

Другими словами—общество „Енисей" перевезло 97% принятаго по обязательству казеннаго груза.

Такіе результаты достигнуты благодаря энергіи Д. В. Сироткина, сумѣвшаго, несмотря на тормозы, сдѣлать большое дѣло.

Безспорно, общество „Енисей" перевезло бы при болѣе нормальныхъ условіяхъ—не 8, а 16 милл.

„Енисей", какъ въ сказкѣ, выстраиваетъ флотилію, колоссальные склады, холодильники, коихъ нѣтъ ни у сѣвернаго общества Линдесъ и К°, ни у аферистовъ-грузчиковъ, какъ Мартенсъ, Хороль-еврей, не сумѣвшій заготовить прочныхъ корзинъ и массу угля потопившій въ рѣкѣ...

И вотъ, еврейско-нѣмецкія орды подставляютъ колѣнца новому предпріятію, грозящему стать серьезнымъ конкуррентомъ нынѣшнимъ хозяевамъ движенія грузоваго, коимъ является сѣверное пароходное общество, орудующее подъ руководствомъ выродка—нѣмца Линдесъ.

За перевозку шотландской сельди до Вологды сѣверное общество мародеровъ Линдесъ и К° брали 50—75 к. съ пуда, а общество „Енисей" Д. В. Сироткина 15 к., т. е. дешевле въ три—пять разъ!

Въ концѣ навигаціи мародеры Линдесъ и К°, вмѣсто 5 коп., брали по 75 к., т. е. дороже въ 15 разъ!

Предпріятіе Д. В. Сироткина, возникшее въ исключительно трудныхъ условіяхъ, казалось бы заслуживаетъ полнаго вниманія и признательности.

Но на Д. В. Сироткина сыплются угрозы „Енисей" едва-едва покрылъ эксплоатаціонные расходы.

А пароходное общество Линдесъ и К° вмѣсто валовой выручки въ 1914 г. около 2 мил. руб.—въ 1915 г. выручило 6—7 мил. р., т. е. на 5 мил. руб. больше.

Весь излишекъ расходовъ, произведенныхъ Линдесъ и К°, въ сравненіи съ 1914 г. не превыситъ 200 т. р.

Излишекъ выручки 4—5 м. р.

Линдесъ дралъ за провозъ ржаной муки 28 пуд. изъ Устюга до Ерги разстояніе 40 верстъ—3 р. 89 к., т. е. дороже въ два раза гужевой доставки...

Линдесъ получилъ благодарность. Онъ имѣя готовое дѣло, перевезъ больше до 180 проц. обусловленнаго числа.

А. Д. В. Сироткинъ, пароходы и баржи коего стояли по винѣ Мартенсъ—нахлобучку...

Мартенсъ заработалъ 15 милл. р... Ему не было времени возиться съ невыгодной разгрузкой и погрузкой.

Дѣла у Мартенсъ было и такъ достаточно... За задержку столь срочной важности движенія Мартенсъ рѣшительно не пострадалъ...

Вся тяжесть отвѣтственности легла на Д. В. Сироткина...

Несчастный русскій предприниматель!..

„Провокаторскіе выпады предателей“.

Мало-по-малу раскрываются подробности дѣла о шпіонской конторѣ Сереговскаго солловареннаго завода Гурылева-Бѣляевской-Осетрова.

Изъ города Грязовца въ село Серегово высланъ нѣмецкій шпіонъ пасторъ Шенкъ.

Въ городѣ Грязовцѣ состоитъ исправникомъ другъ Осетрова, рекомендовавшій, по слухамъ, ссыльному Шенкъ Осетрова... какъ человѣка вполнѣ „благонадежнаго“...

Вѣрно это или нѣтъ, не могу утверждать, но хорошо извѣстно, что за тайную нѣмецкую переписку Осетровъ получалъ приличный гонораръ по 12.000 р.

Дѣло Осетрова было замято, какъ сказалъ мнѣ мѣстный чиновникъ N, хотя къ слову сказать главноначальствующему Вологодской губ. Лопухину слѣдовало бы знать объ Осетровскихъ операціяхъ.

Казалось бы, „замять“ трудно.

Однако, на самомъ дѣлѣ все „замято“... Уже послѣ появленія статей въ газетахъ Осетровъ ѣздилъ въ Вологду къ главноначальствующему, но Лопухинъ не принялъ...

И вотъ предатели Осетровъ-Гурылевъ-Бѣляевская, получивъ свободу, стараются во что бы то ни стало скомпрометировать своего обличителя пристава Рыжкова.

Съ этой цѣлью пускаются въ ходъ кляузы, что Рыжковъ беретъ взятки отъ полтины...

Въ концѣ концовъ Осетровъ пускается на такой выпадъ: онъ зашелъ по „дѣлу“ въ квартиру пристава Рыжкова и снявъ пальто, „поджидалъ“, но не дождавшись... выбѣжалъ безъ пальто на улицу съ криками „стрѣляютъ“!?.

Дѣло объ этой провокаторской выходкѣ предателя Осетрова поступило прокурору.

Во всякомъ случаѣ, если бы удалось доказать взяточничество Рыжкова, въ чемъ я очень сомнѣваюсь, ибо приставъ Рыжковъ вполнѣ безупреченъ, то чего же щадить?

Повторяю, если бы удалось установить взятотничество?

Но пока приставъ Рыжковъ на своемъ мѣстѣ и предатели Осетровъ, Гурылевъ, Бѣляевская тоже на свободѣ, какъ будто никакого преступленія Осетровъ не совершилъ... получая по 12.000 р. за нѣмецкія посредническія операціи..

Исправникъ Булатовъ и его бывшій помощникъ Власьевъ, состоявшій должникомъ Осетрова, тоже остались на своихъ мѣстахъ...

Даже Власьевъ, ближайшій сотрудникъ по освобожденію и выпутыванію Осетрова, получилъ переводку на лучшее мѣсто!..

А исправникъ Булатовъ такъ распустилъ низшихъ агентовъ охраны, что во время призыва молодыхъ людей срока 1917 года въ Яренское уѣздное по воинской повинности присутствіе вошли и раздѣлись призывные Сереговской волости, но вмѣстѣ съ ними вошелъ зырянинъ отъ другой волости и раздѣлся.

Палевицкій урядникъ нанесъ зырянину ударъ...

Что это такое? Какъ назвать поступокъ подчиненнаго Булатову урядника?

И вотъ прямымъ слѣдствіемъ такой „работы“ предателей Осетровыхъ и „охранителей“, укрывающихъ предателей, нѣмцы обладаютъ прекрасной освѣдомленностью.

На другой день послѣ сдачи Ковно нѣмцы, высланные въ захолустное село Паль, праздновали побѣду.

Единственный вывозной путь изъ Россіи за границу далеко не безопасенъ; въ Бѣломъ морѣ идутъ ко дну отъ нѣмецкихъ минъ коммерческія суда.

Нѣмецкіе шпіоны, какъ вышеупомянутый Шенкъ, сообщаютъ относительно истиннаго положенія дѣлъ въ Россіи.

А Осетровы помогаютъ...

Дѣло Осетрова замяли...

„Замять такую кучу преступленій не легко. Однако, пока все славу Богу... удалось..

Между тѣмъ опасность перерыва движенія черезъ Архангельскъ не призрачная.

Необходимо усилить экспортъ сибирской пшеницы, масла, лѣса, что дасть приливъ иностраннаго золота.

Но къ несчастью, въ виду риска пароходному движенію лѣсопромышленники сокращаютъ заготовку лѣса.

Одного сибирскаго масла вывезено черезъ Котласъ-Архангельскъ за границу около 5 милл. пуд., считая по 16 р. пудъ на 80 милл. руб. Въ Лондонѣ цѣна на масло 26 руб. пудъ.

Значитъ за 5 милл. пуд. экспортеры, большей частью датчане и евреи, выручили 130 милл. руб. золота. Если 130 милл. золота перевезти на кредитные, получится около

180 милл. руб. Цифра почтенная и печальная въ рукахъ іудеевъ.

Настоитъ необходимость усиленія золотого фонда Государственнаго банка и казначейства, истощеннаго чрезвычайными расходами войны.

Министерство финансовъ пріобрѣтаетъ золото, уплачивая за сто рублей сто сорокъ рублей кредитными.

Цѣлесообразнѣе было бы, не прибѣгая къ столь рискованнымъ мѣрамъ пополненія золотого фонда, взять экспортъ сибирскаго масла, пшеницы, лѣса въ руки государства, которое является собственникомъ колоссальныхъ лѣсныхъ богатствъ сѣвера.

Въ настоящее время Государственный банкъ снабжаетъ и кредитомъ лѣсопромышлениииковъ.

Послѣдніе лишь снимаютъ сливочки золота, получая по 140 р. кредитными за 100 р. золота.

Даже двѣ трети стоимости риска страхованія уплачиваетъ государство...

Благодаря такому попустительству рискъ на самомъ дѣлѣ великъ.

Тѣмъ не менѣе предатели Осетровы-Гурылевы и К°, уличенные въ столь тяжкихъ преступленіяхъ, — остаются на свободѣ.

Дошло до того, что предсѣдатель Яренскаго съѣзда Турбинъ и предсѣдатель Яренской земской управы Воиновъ намѣревались пригласить на Ухту для развитія нефтепромышленности лейтенанта австрійской службы, который благодаря ловкости перебывалъ во всѣхъ градахъ и весяхъ, обогащаясь свѣдѣніями.

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего мудренаго, что нѣмцы освѣдомленнѣе нашихъ чиновниковъ относительно нашей жизни...

И такъ вотъ ближайшія послѣдствія попустительства и полной безнаказанности государственныхъ измѣнниковъ, какъ Осетровъ, не постѣснявшійся принять на себя такія гнусныя операціи въ переживаемое нами время напряженной борьбы!?

Мало того, Осетровъ послѣ напечатанія статей въ газетахъ хлопочетъ объ избавленіи, ѣздитъ въ Вологду къ Главноначальствующему... Строчитъ въ сотрудничествѣ съ своими должниками Власьевымъ и К° оправдательныя кляузы...

Но вѣдь фактъ налицо: Осетровъ не только принималъ за деньги нѣмецкую переписку, а и выдавалъ нѣмцамъ подданнымъ Германіи деньги, какъ Блюмъ и др.

Любопытно знать, что это за нѣмецкій золотой фондъ?

Однако, не смотря на такіе факты, Осетровъ на свободѣ...

Гурылевъ и Бѣляевская, допустившіе въ своей конторѣ подобныя операціи,—тоже не арестованы...

Мало того, они открыли кредитъ уѣздной администраціи? Что это такое?

И вотъ, по словамъ чиновника N, дѣло „замяли".

Когда дѣло получило широкую огласку, а въ народѣ циркулируютъ невѣроятные слухи съ пространными комментаріями...

Сами нѣмцы ссыльные подняли голову улыбаясь, что русскихъ купить можно недорого...

Вотъ благіе результаты покровительства.

Но можетъ быть на этотъ разъ Главноначальствующій Вологодской губерніей Лопухинъ потрудится выяснить какъ и по какимъ мотивамъ „замято" это предательское дѣло?

Факты налицо, обличающіе въ страшной отвѣтственности.

Обойти молчаніемъ нельзя.

И чѣмъ скорѣе выяснится полная картина гнусной работы Осетрова и К° тѣмъ лучше.

Въ предыдущихъ статьяхъ мы упоминали о евреѣ Берманѣ, поставлявшемъ сапоги на армію не вполнѣ доброкачественные.

По слухамъ Яренская комиссія сама снабжала матеріаломъ...

Помощникъ исправника Власьевъ выдавалъ Берману по двѣ тысячи авансомъ...

Однако, дѣло пока „замято"...

Надо ждать объясненій...

Общество „Енисей“ и грузчики.

Мы уже отмѣтили о благополучномъ рожденіи Общества „Енисей“.

Появленіе „Енисея“ было удачнѣе. Какъ по мановенію волшебнаго жезле выстраивается флотилія баржей съ крупной грузоподъемностью до 150.000 пуд. каждая.

Но крылья „Енисея связали“ грузчики: еврей Хороль и нѣмецъ Мартенсъ.

Баржи „Енисей“ стоятъ по 8—9 дней въ ожиданіи разгрузки и погрузки.

Отъ конторы Данишевскихъ является на Бакарицу П. М. Корытовъ съ партіей грузчиковъ — рабочихъ. Корытовъ устраиваетъ приспособленія для погрузки; но... г. Ивановскій безъ разрѣшенія Мартенсъ не допускаетъ Корытова къ работѣ и послѣдній удаляется не солоно хлебавши...

Тормозится движеніе крупной важности.

„Енисей“ почтительно проситъ объ ускореніи разгрузки и погрузки, осаждая депешами.

„Енисей“ кричитъ, что флотилія стоитъ, что грузятся баржи часто на половину меньше, вслѣдствіи недоставки груза...

По договору съ Обществомъ „Енисей“ минимальная погрузка опредѣлена въ 25.000 пуд. въ сутки на одну баржу; но оказалось, что Мартенсъ получилъ погрузку по 12 тыс. пуд. въ сутки на одну баржу...

Обнаружялась безсистемность и несогласованность, характеризующая положеніе: одно усмотрѣніе отмѣнялось другимъ...

Для мелкихъ баржей съ грузоподъемностью 10—50 тыс. пуд., какими является баржи Сѣверн. пар. Общества и др., погрузка 12 тыс. пуд. въ сутки на баржу, имѣла смыслъ; но для баржей „Енисея“ съ грузоподъемностью 150.000 п.,

такая погрузка тормозила движеніе, вынуждас флотилію „Енисея“ на бездѣйствіе.

Вмѣсто устраненія препятствій Угрюмовъ грозитъ принять мѣры наказанія къ Енисею...

— Не отрицая недостатковъ организаціи погрузки, прошу ускорить перевозку... Нельзя ли послать вашихъ грузчиковъ—сто человѣкъ.

Максимовичъ.

Послѣ открытія навигаціи N-скъ былъ заваленъ срочными грузами, которые при столь бластящей организаціи погрузки, на врядъ ли удастся перевезти и въ навигаціи 1916 и 1917 года...

Одновременно съ скопленіемъ грузовъ въ N-скъ нахлынула волна работоискателей и затопила городъ.

Недостатка рѣшительпо ни въ чемъ не было.

Для „перешивки“ не оказалось нитокъ... Но тутъ благодаря Создателю отъ обилія даже затрещали канцеляріи... потребовалась усиленныя мѣропріятія къ разгрузкѣ города отъ избытковъ рабочей силы.

„Подкузьмилъ“ недостатокъ организаціи... за который пришлось отвѣчать не Хоролю, Мартерсъ и К°, нагрѣвшимъ карманы. И не Угрюмову-Максимовичу, на коихъ ложится вся отвѣтственность за недопустимое положеніе вещей.

А Обществу „Енисей“!..

Не по Сенькѣ сшили шапку; но за не ловкость шапочки попало по головѣ Сеньки!..

„Енисей“ съ связаннымa руками перевезъ 97% обусловленнаго числа казаннаго груза и 37% частныхъ грузовъ.

На „Енисей“ сыпались упреки въ стремленіи получить перевозку частныхъ грузовъ.

„Енисей“ взялъ перевозку угля по 6 к., а Сѣв. пароходн. Общество по 8 коп.

„Енисей“ очутился въ невозможно трудныхъ условіяхъ.

Баржи Енисея достраивались подъ наплывомъ весеннихъ водъ. Мастеровъ и нѣкоторые матеріалы Енисей выписывалъ на Сухону съ Волги, что обходилось не дешево.

Естественно, что Енисей, выстроивъ съ такими жертвами флотилію съ общей грузоподъемностью свыше 2 м. пуд.— не могъ совершать рейсы съ баржами, погруженными на половину меньше...

Но и за перевозку частыхъ грузовъ „Енисей“ беретъ въ три раза дешевле, нежели Сѣверное Общество мародеровъ Линдесъ и К°, дравшее въ концѣ навигаціи вмѣсто 5 к.—75!

Небо выразило благодарность Сѣверной Дружинѣ... и просило представить лицъ, достойныхъ высшей награды.

Чугунной плиты на грудныя клѣтки... Линдесъ-Бѣляевской и К°, не пощадившимъ „живота“ въ трудную годину.

Общество Линдесъ перевезло 180% обусловленнаго числа казеннаго груза (угля) и 300% частнаго груза по такому фрахту, что зипуны, потреблявшіе ржаную муку, трещали по всѣмъ швамъ отъ энергичныхъ движеній...

„Енисей“ перевезъ 97% казеннаго груза и 37% частнаго по божеской цѣнѣ.

И по дѣламъ награда...

Въ привелигированномъ положеніи очутились грузчики и возчики, какъ Эрнстъ Иванычъ Шмидтъ, Спаде, евреи Данишевскіе, Хороль, и любимчикъ неба Мартенсъ, отложившій на черный день 15 милл. Соучастникъ Мартенсъ-Саговскій 3 милл.

За перевозку гужомъ съ бара до N-ска разстояніе 70 верстъ Эрнстъ Иванычу платили по 2 р. съ пуда, а возчикамъ Шмидтъ платилъ 30 к.

Оставалось Шмидтъ 1 р. 70 к. съ пуда!

За перевозку гужомъ частныхъ грузовъ отъ N до W разстояніе 650 верстъ платили 2 р. 50 к. съ пуда.

Другими словами за перевозку гужомъ (разстояніе 70 верстъ) Угрюмовы платили Шмидтъ, почти столько, сколько частные торговцы платили за провозъ 650 верстъ!

Эрнстъ Иваныча за сочувствіе фатерланду выслали на „Енисей“...

Израиль Данишевскій „выгрузилъ“ до 50 м. пуд. по 20 т. р. съ миліона пуд., а платилъ Израиль возчикамъ отъ 4 до 6 т. р. съ милл. пуд.

Израиль въ N-скѣ заработалъ тысячъ семьсотъ; онъ былъ то же уличенъ въ предательствѣ и заключенъ но выкарабкался съ помощью ловкачей адвокатуры.

Конторы Шмидтъ-Данишевскій и послѣ заключенія ихъ хозяевъ работали полнымъ ходомъ.

Городское управленіе N-ска могло бы съ успѣхомъ выполнить всѣ разгрузки; но управленіе перегружено трамвайными дѣлами ни такъ срочной необходимости.

Не легко разбросать на безнадежное дѣло 2—3 мил.

Здѣсь къ общественному пирожку пристроился Вильгельмъ Гувлякинъ.

„Глава“, уступилъ городскую землю за Семинаріей для склада товаровъ.

Израиль Данишевскій сваливаетъ кипы хлопка прямо въ трясину...

А саженей сто подальше возвышаются грандіозные куполы складовъ Енисей, совершенно пустующихъ...

Простое и не сложное дѣло погрузки оказалось не подсилу...

Колесница застряла въ трясинѣ и точь въ точь на томъ же мѣстѣ.

„Печальное происшествіе“, которое ярко характеризуетъ анекдотъ.

Ночью на станцію N подкатилъ поѣздъ.

„Хвостъ“ поѣзда отцѣпился и остался незамѣченнымъ...

«Прибыли благополучно! отрапортовалъ оберъ, сопровождавшій поѣздъ...

Начальникъ станціи „дулся“ въ банчекъ.

— Проѣзжай дальше, скомандовалъ блюститель движенія—не время тутъ зря проѣдаться!..

Безхвостый поѣздъ умчался.

Слѣдовавшій за нимъ налетѣвъ на „хвостъ“ разбился въ дребезги...

Несчастье всѣхъ несчастій.

Стрѣлочникъ... И чего онъ проворонилъ когда линію проводили къ Сорокской бухтѣ, а тамъ оказалась скалистая отмель...

Но ужъ къ организаціи разгрузки и погрузки рѣшительно не было никакихъ препятствій.

А посему сваливать отвѣтственность на Кира и Дарія Персидскаго врядъ-ли цѣлесообразно.

Неизвѣстно были-ли соотвѣтствующія давленія на Мартенсъ къ ускоренію погрузки? Мартенсъ, кромѣ грузки, имѣлъ пароходы. ...Коммерческіе. Онъ бралъ фрахтъ не стѣсняясь.

Шмидтъ выводилъ нѣмецкіе...

Данишевскій помогалъ.

Линдесъ то же гдѣ можно взять—бралъ-съ!

Шмидтъ угодилъ на Енисей, не Д. В. Сироткина, а по дальше.

Эрнстъ Иваныча выпутываетъ акробатъ Старцевъ, бывш. редакторъ безграмотной газетки!

Свѣтильщикъ правосудія-съ!

Давай Богъ успѣха вытянуть случайную жертву своей оплошности!

Свалимъ все на Енисей...

Убить новое дѣло легче нежели хорошо поставить, особенно въ такое время.

Но это не въ интересахъ „усиленія средствъ перевозки“, а на руку темнымъ вліяніямъ.

Земское благополучіе.

„Застряли“ Яренскіе учителя и учительницы на Бутканскомъ волоку.

Сидѣли, какъ кумки на болотѣ... Запасы съѣстные вышли.

Застрявшіе въ N-скѣ ящики, бочки, машины, кипы, хлопка—дѣло мертвое...

Кипы и бочки могутъ спокойно лежать гдѣ угодно хоть до второго пришествія...

Дожди размыли всѣ сооруженія на Червинской дорогѣ, мосты покосились такъ что проѣзжающій долженъ объѣзжать сторонкой.

Къ цвѣтамъ дѣятельности Яренскихъ воротилъ Воинова-Турбина—цѣлый букетъ.

Двѣ недѣли сидѣли учительницы...

Платили по 55 к. съ версты...

Другими словами переѣздъ одной учительницы володка 140 верстъ обошелся земству въ 77 р.!

Дѣло поправилъ морозъ, устроившій въ два дня всюду доступныя пути.

Болѣе блестящей работы трудно отмѣтить даже въ Устьсысольскомъ земствѣ.

Воиновы увлеклись добычей и эксплоатаціей нефти на Ухтѣ.

Дѣло не хитрое; оно само напрашивается.

Но фатально не клеится.

Вниманіе дѣятелей поглотили богатства залегающія въ нѣдрахъ Тимана.

Наконецъ то?

А штатъ техниковъ-бездѣльниковъ съ сѣдовласымъ Скаковскимъ во главѣ—строили.

Земскіе капиталы не истощимы...

Казна платитъ за лѣса Яренскому и Устьсысольскому земству свыше милліона, а сама казна получаетъ дохода съ 20 мил. десят. лѣсной площади не болѣе миліона... Надо держать канцеляріи и охрану.

Не на радость богатства...

Лѣсничіе сплавляютъ за безцѣнокъ „горѣлые лѣса" въ Порогскомъ лѣсничествѣ крестьянину А. Буткину, который отсидѣлъ въ тюрьмѣ за фабрикацію поручительствъ.

Изъ тюрьмы Б. прямо на торги и закупилъ лѣса на десятки тысячъ...

А цѣны на древесину идутъ въ гору.

Не мѣшаетъ подумать о болѣе выгодной эксплоатаціи.

Иначе земствамъ придется доплачивать изъ другихъ источниковъ; ибо отнюдь нельзя остановить плодотворную работу.

Устюгскій предсѣдатель Быстровъ родной братъ и кумъ всѣхъ протопреподобій проморгалъ, какъ волкъ, забѣжавъ ночью въ Великій Устюгъ узналъ изъ подъ носа Быстрова свинью... Животное встало на дыбы, но волкъ прибѣгъ къ нѣмецкой хитрости: ухвативъ свинью зубами за ухо волкъ понукалъ свинью, ударяя хвостомъ въ задъ...

Уѣздныя «Коммисіи» занялись заготовкой сапогъ. Около комиссій образовались лужи грязи, въ которомъ порядкомъ опачкались поросята.

Неизмѣримо полезнѣе плохихъ сапогъ была бы заготовка теплой одежды для арміи.

Но объ этомъ не смекнули дѣятели.

Сѣверъ изобилуетъ пушниной, которой въ одно десятилѣтіе Россія отправила въ Германію свыше 7 мил. пуд. на 105 мил. руб.

Половина пушнины въ видѣ мѣховъ вернулась въ Россію, причемъ нѣмцы взяли за обработку крупную дань.

Казалось-бы прямая задача сѣверныхъ земствъ поощрять развитіе скорняжной промышленности; но Яренскій Предсѣдатель Воиновъ на предложеніе завести скорняжную школу, отвѣтилъ, что „у насъ такой промышленности нѣтъ"...

Въ настоящее время заготовка мѣховой одежды для арміи является первой необходимостью. Земства сѣверныя могли-бы съ пользой поработать.

Громадныя милліоны зайца почти не имѣютъ сбыта или продаются за безцѣнокъ.

Изготовленіе „куртокъ", шапокъ и пр. какъ было-бы полезно и желательно.

Лучшимъ подаркомъ Сѣвера нашей доблестной арміи страдающей отъ холода въ окопахъ и землянкахъ, была-бы именно теплая мѣховая одежда.

На самомъ дѣлѣ не позоботится-ли сѣверное земство?

„Плаводъ“.

Это новый аппаратъ, изобрѣтенный товариществомъ техниковъ—самоучекъ, въ числѣ коихъ есть и нашъ Яренскій землякъ.

До сего времени пользовались „спасательными кругами, пробками и т. д. но всѣ эти средства не достигали цѣли.

Нынѣ изобрѣтенный „Плаводъ“ отличается несомнѣнными преимуществами передъ существующими приборами.

„Плаводъ“ состоитъ изъ непромокаемой ткани, защищающей отъ вліяній воды, такъ что пользующійся имъ лишь на половину погружается въ воду; но главное, что „Плаводъ“ даетъ возможность не только „спасаться“, а и дѣлать свободно передвиженіе въ желаемомъ направленіи, имѣя при себѣ груза до 2—3 пуд. и болѣе. Вѣсъ аппарата въ зависимости отъ грузоподъемности отъ 15 фунт. Плаводъ движется мускульной силой; но возможно примѣнять и механическую.

Уже перечисленныя преимущества „Плавода“, какъ-то свободное передвиженіе въ бурю и холодъ, не подвергаясь опасности простуды,—ставятъ новое изобрѣтеніе въ исключительно привилегированное положеніе и сулятъ широкое примѣненіе на практикѣ не только въ качествѣ спасательнаго средства; но и при производствѣ надводныхъ работъ. Товарищество получило охранное свидѣтельство. Лицъ, интересующихся дѣломъ, просятъ обращаться: Петроградъ, Эртелевъ пер. д. 8, кв. 23.

„На перепутьи“.

Губернаторъ Зырляндіи и всей страны полуночной Александръ Николаевичъ Прихвостневъ считалъ себя въ зенитѣ административныхъ талантовъ. Это самомнѣніе глубоко вклинилось въ его мозговыя клѣтки, отчасти благодаря на самомъ дѣлѣ явнаго его превосходства передъ губернскими совѣтниками, которые горѣли въ сравненіи съ нимъ что двухкопеечныя свѣчки передъ золоченымъ „налѣпкомъ“. Да и окружающая атмосфера была пресыщена убійственно-взвинчивающими свойствами, такъ что Александръ Николаевичъ только самодовольно покрякивалъ.

По вступленіи на постъ губернатора Зырляндіи Александръ Николаевичъ скептически отнесся къ трудамъ своихъ предшественниковъ, которые не оставили за собой яркаго слѣда.

Правда, громадный корридоръ его канцеляріи былъ заваленъ литературными произведеніями. Въ лѣтнее время предшественники его дѣлали экскурсіи по безконечнымъ воднымъ артеріямъ страны, а зимой предавались кабинетной работѣ. Выдающимися произведеніями считались книги: „Поѣздка на Ухту“ и о „Соединеніи рѣкъ“. Сторожъ Лука каждое утро по цѣлому часу кряхтѣлъ, карабкаясь на бумажные тюки съ тряпкой, тщательно сметая пыль. Когда въ канцелярію приходилъ регистраторъ Петропавловскій, Лука выпрямлялся: „Дармидонтычъ, чтой-то его превосходительство не сплавить? Лянспектора: Куклины, Офицеровы, Успасскіе, Масловы, Прозоровы, Левицкіе Стодолинскіе... Лука перевелъ дыханіе и махнулъ тряпкой, какъ телеграфные столбы, сейчасъ поймутъ...

— Намъ съ тобой легко,—пробурчалъ Петропавловскій, тутъ, братъ, „политика“, не нашево ума... Я самъ ужъ ночесь думалъ молъ вотъ если бы... Тронешь и вдругъ на всю имперію пойдетъ такая часотка и руки опустишь...

Когда вице Фуксъ разъяснилъ доминирующую важность экскурсій и литературы Александръ Николаевичъ снисходительно улыбнулся, какъ на совѣтъ юнаго сына. Въ свою

очередь вице Фуксъ занялъ особое положеніе, которое слагается, когда люди страдаютъ явной близорукостью. Подбородокъ Фуксъ сталъ пухлѣе, а глаза просвѣчивали пренебреженіемъ и разсѣянностью.

Граждане города поднесли „кубокъ"—реальный даръ признательности превосходству. Обстоятельство это, какъ говорится, сколупнуло шелуху высокомѣрія. Не теряя минуты Фуксъ донесъ и кубокъ фукснули.

Скоро ходъ событій показалъ какъ безумно игнорировать опытомъ Губернаторъ ухватился за проектъ „Соединенія рѣкъ"; но рѣшительно махнулъ рукой на Ухту со всѣми ея нефтяными сокровищами, которыя такъ головокружительно опьяняли его предшественниковъ.

Да и время было тревожное: вспыхнула война съ нѣмцами: съ средніе вѣка „татарскія орды хлынули на Русь съ Востока, а новѣйшіе дикари, позолоченные гуманитарными идеями Шопенгауэра—Канта, хлынули съ запада. Работы было много. „Губернаторъ спалъ очень тревожно, такъ какъ „борьба" съ доблестными гражданскими проявленіями требовала крайняго напряженія ума и силъ:

Уже въ Сентябрѣ губернаторъ сдѣлалъ экскурсію на пароходѣ „Самоѣдъ". Сереговскій старшина отрапортовалъ ему, что „живемъ слава Богу". За спиной старшины стояли: исправникъ Булатовъ, предсѣдатель Турбинъ и Воиновъ. Писарь Буткинъ думалъ доложить, что на Удорѣ скотъ палъ, но земскій сверкнулъ на него глазами такъ что Буткинъ почувствовалъ будто ему вбили въ ротъ смоляную паклю...

Проснулся Губернаторъ на станціи „Дикой" отъ необычайнаго шума, будто на небѣ катали пустыя пивныя бочки нѣмца Зебальдъ. Губернаторъ трагически махнулъ рукой: „а ходатайство о разрѣшеніи вагоновъ для подвоза скота?" вспомнилъ онъ. Мяса въ городѣ не было: осенью продавалось по дешевкѣ, а теперь платили въ три дорога.

„Вернуться въ Петроградъ, мелькнуло въ головѣ губернатора, но? „Безъ своего глаза не удобно, подумалъ губернаторъ.

* * *

По обыкновенію утромъ губернаторъ просматривалъ почту. За время отъѣзда писемъ накопилось много. Губернаторъ отложилъ въ сторону министерскіе пакеты, требовавшіе напряженія интеллектуальной дѣятельности и принялся за просмотръ частной корреспонденціи. Онъ даже сдѣлалъ недовольную мину на эту скучную обязанность

такъ безумно связанную судьбой, какъ непроизводительная трата высшихъ дарованій на просмотръ жалобъ захолустной жизни...

Губернаторъ брезгливо, отстранивъ мелкія письма, вскрылъ толстый пакетъ. На цѣломъ листѣ было изложено слѣдующее: Ваше благородіе, начиналось письмо, что было не даетъ надежды, что не будетъ еще хуже, такъ какъ тѣ условія, въ коихъ мы прозябаемъ, взвинчиваютъ дурныя страсти... Другому на мясо и зелень недостаточно... Скрылъ создатель богатыя залежи мѣди на Новой землѣ, въ губѣ Пропащей на 60% мѣдь: просто слитки, такъ нѣтъ откопали вѣдь коммерцъ-совѣтники!.. Плохо Ваше благородіе: какъ пошла эта такцея цѣна на все полетѣла въ гору... Въ Тотьмѣ скота прибили. Голова Киренкова—краса города: Онъ трактирщикъ, жисть штрафуетъ, курортъ строитъ... Что надо то и есть. Въ земствѣ тоже голодныхъ мало... Предсѣдатель Шумляевъ въ улицу не влѣзаетъ. Ни ремесла, ни знаній. Есть ремесленная школа какъ дворецъ; но мастеровъ сносныхъ не дала, а выходятъ все „оптики"... Учитель и наставникъ Федоръ, ежель явится преосвященный или губернаторъ вылетитъ встрѣчать, покажетъ цѣлый музей блестящихъ издѣлій и ослѣпитъ всѣхъ своими трудами... Тоже Айкино, гдѣ на одинъ табуретъ убили деревъ сто казеннаго лѣса; Къ Чиркову и подойти страшно... Бабы кланяются въ поясъ... Все дѣлается для показа и полученія высшихъ милостей. Простые, необразованные Федоръ Иванычи, Чирковы и К° развиваютъ свои таланты; но на дѣлѣ ничего не сдѣлано... Въ школы идутъ не затѣмъ, чтобы сдѣлаться работникомъ, а съ цѣлью получать тысячные оклады и медали, какъ Чирковъ, получающій полторы тысячи и триста отъ земства... Это плохенькій мастеровой.

„Тоже и по земледѣлію. На Вилягдѣ сѣютъ ленъ на подсѣкахъ. Чтобы удобрить одну десятину сжигается до ста возовъ дровъ! Рублей на двѣсти, а льна снимается максимумъ пудовъ десять, рублей на восемьдесять... Да сколько тратится труда? Разводили Сольвычегодскіе агрономы травосѣяніе и льносѣяніе, но бросили за полной безнадежностью дѣла... Чуть настала весна губернаторы, агрономы раньше гусей полетятъ... Каждый по своей астрономіи... Кучки навоза оставятъ по берегамъ, а нонѣ и тѣ половодье унесло. Остаются воспоминанія, запечатлѣваемыя въ книгахъ. Все отпечатаютъ, да еще съ портретами... Гдѣ же всѣ головы передѣлать? Опять убьютъ мильоны... Эхъ, Ваше благоденствіе, увижусь на томъ свѣтѣ разскажу о земной правдѣ, лучше не попадайся, вотъ какъ накипѣло...

Ѳома Выпивало.

Губернаторъ почувствовалъ на лицѣ легкіе уколы и, поднявшись со стула, возбужденно зашагалъ по кабинету. Губернаторское намѣреніе было попросить чаю и коньяку, но онъ ткнулъ пальцемъ въ пепельницу и остался въ такомъ ожидательномъ положеніи долгое время. Когда терпѣніе лопнуло Прихвостневъ вылетѣлъ и разнесъ лакея, который покойно оправлялъ усы.

Чай съ коньякомъ нѣсколько успокоилъ вбудораженную психику губернатора. Онъ скомкалъ письмо Ѳомы и швырнулъ въ корзину; но впослѣдствіи обдумалъ, что лучше бы этого не дѣлать. Губернаторъ извлекъ конвертъ, чтобы узнать мѣсто отправленія письма, но тамъ чернѣла только половина почтоваго штемпеля. Прихвостневъ пробасилъ подъ свой носъ и принялся читать письмо изъ Сольвычегодска.

Ваше Высокопревосходительство:

Искра, воспламенившаяся послѣ поѣздки Вашего Высокопревосходительства на Ухту разгорѣлась въ негасимый пламень. А если вы намѣрены ѣхать на Ухту, то обращаемъ Ваше вниманіе на рѣчку Ихобе, гдѣ таятся золото и жемчугъ. Яковъ и Прокопій Хаминовы.

— Ага,—промычалъ губернаторъ, принимаясь за слѣдующее письмо, которое гласило:

Ваше Высокопревосходительство.

Премудрое провидѣніе вручило въ Ваши руки рычаги промышленнаго и моральнаго прогресса. Не продавайте ухтинскіе столбы. Дѣло еще не кончено въ Сенатѣ, а цѣны выждать не мѣшаетъ. Что касается Редактора „Эхо", то штрафуйте его не по двѣсти, а больше. Въ случаѣ несостоятельности отберите типографскіе станки и крамолы не будетъ...

В. Д. Буткинъ.

P. S. Я бы самъ не прочь, да руки связаны. На подручныхъ довѣрить простой посуды нельзя. Кромѣ того, нынѣ надо пять тысячъ залогу.

В. Д. Б.

. . . .

